

ЗОВИ МЕНЯ
матовиаской,

16+

ТАТЬЯНА НИКАНДРОВА

Татьяна Никандрова
Зови меня Златовлаской

«Автор»

2020

Никандрова Т. Ю.

Зови меня Златовлаской / Т. Ю. Никандрова — «Автор», 2020

Шестнадцатилетняя Саша проходит нелегкий путь взросления, на котором сталкивается с несправедливостью, жестокостью и предательством. Парень, о котором она мечтала, бросает ее в смертельной опасности. Родители разводятся. Весь привычный мир рушится. Из бездны отчаяния Сашу вытягивает загадочный и привлекательный музыкант по имени Влад. Для нее он спаситель и герой. Надежда и любовь вновь оживают в ее сердце. Но будут ли ее чувства взаимны? Сможет ли она распутать любовный многоугольник, в который попала вместе с Владом, его лучшим другом и самой популярной девчонкой в их школе?

© Никандрова Т. Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Никандрова

Зови меня Златовлаской

Пролог

Он меня бросил. Он предал меня! Парень, за любовь которого я готова была бы убить, просто сбежал, оставив меня на растерзание этим ублюдкам. Легко и почти без сомнений.

Их трое, я одна. И пусть самого тощего из них мне все же удалось обезвредить перцовым баллончиком, но двое других целы и приближаются ко мне с кровожадными лицами.

Боже! Лучше бы мы просто сразу отдали им деньги и телефоны. Казалось, сначала им было нужно только это. Но моя тупая гордость подставила нас. И я, как чертова смертница, начала атаковать грабителей баллончиком. Глупо и безрассудно.

Уже потом, когда один из них повалил меня с ног на землю, я поняла, что это было ошибкой. Вырубить их всех у меня не вышло, а вот не на шутку разозлить получилось.

Вот дура! Думала, что смогу атаковать их грациозно и быстро, как женщина-кошка... А на деле я замешкалась, почти не двигалась и все заперола.

Конечно, если бы я знала, что в кармане у самого крупного лежит нож, я бы десять раз подумала, прежде чем доставать баллончик. Но я не была в курсе этой, казалось бы, мелкой, но очень значительной детали.

Когда он приставил нож к животу моего спутника, все сильно поменялось. Теперь нам отчетливо виделась не только угроза грабежа, но и угроза жизни.

Эти уроды оказались настоящими психами. "Либо вали отсюда без нее, либо оставайся, и я выпущу твои кишки наружу!" – примерно так звучало их жестокое предложение. И он выбрал первый вариант. Очевидно, его кишки представляли гораздо большую ценность, чем я.

Знаете, осознавать, что твоя жизнь в руках двух отморозков, и помощи ждать неоткуда, очень страшно. До боли, до трясучки в коленях. Но еще страшнее становится тогда, когда чужие руки начинают шарить по твоему телу. Касаются тех зон, до которых никто и никогда не дотрагивался.

И тогда в голове звучит одна мысль. Она повторяется снова и снова, пока ты медленно тонешь в трясине собственной злобы, отчаяния и бессилия. "Лучше бы умереть. Лучше бы они меня сейчас убили".

Глава 1

В этом году я пошла в десятый класс. Теперь можно гордо носить звание старшеклассницы. А быть старшеклассницей – значит быть взрослой. Наконец-то. Однако, несмотря на свою "взрослость", первый день учебы я бессовестно проспала.

Резко вскочив с кровати, я начала машинально собираться. Мысли, толкаясь и спотыкаясь друг об друга, носились в моей голове. Второе сентября. Опаздываю. Какой первый урок? Где блузка? Как быстрее: пешком или папа довезет?

Я побежала в зал в надежде, что отец еще не ушел на работу. Повезло, он был тут.

– Саша! Не понял, ты время видела, почему не в школе? – папа округлил глаза.

– Будильник не сработал! Подвезешь?

– И это после всех разговоров о самостоятельности и ответственности, – проворчал он.

В спешке умывшись и натянув с вечера приготовленную одежду, я начала наносить макияж. В изначальный план входили тени для век и подводка, но пришлось ограничиться тушью.

Закончив сборы, я посмотрела в зеркало: белокурые волосы по пояс, синие миндалевидные глаза, вздернутый нос и округлый подбородок. Улыбнувшись своему отражению, я схватила сумку и побежала в коридор.

Урок биологии тянулся медленно. Я почти не слушала, но искусно делала вид. После звонка учительница подозвала меня к себе, чтобы выдать порцию нравоучений. Она говорила о важности пунктуальности в жизни человека и, поверив, что я сделала выводы, отпустила меня.

– Проспала? – с усмешкой спросила Ада, подхватывая меня под руку.

Ее идеально прямые темные волосы спадали на плечи, обрамляя вытянутое скуластое лицо. Большие черные глаза придавали ее и без того экзотичной внешности загадочности.

– Я переписывалась с Пешковым до двух ночи, – призналась я.

– Так долго? Ведь ты решила написать еще днем?

– Я написала в шесть вечера, но он то был в сети, то не был.

– И что?

Я вытащила телефон и протянула его подруге для ознакомления с содержанием переписки. Прочитав сообщения, Ада вернула мне гаджет, и на ее лице застыла неопределенность:

– Не густо, за восемь-то часов переписки.

– Ну, он же был занят. Ты что, не поняла? – попыталась оправдаться я. – Пошли скорее, посмотрим расписание.

– Да я и так его знаю, сейчас у нас алгебра в 401 кабинете.

– Да не наше расписание, Ада! А на расписание 11"Б"! – прервала я. – Мне надо с Димой "случайно" пересечься на перемене, понимаешь?

Мы с подругой протолкнулись к доске с расписанием, я щелкнула его на телефон, и мы отправились на алгебру.

– Как ты думаешь, я ему нравлюсь? – приступила я к допросу после окончания урока.

– Трудно сказать, переписка-то совсем малюсенькая.

– Но ты заметила, как он спросил, в каком я классе? Значит, ему не все равно?

– Ну как тебе сказать... Может, если бы ему было не все равно, он бы отвечал пошустрее? – не выдержала Ада. – Одно сообщение в час – так себе достижение.

– Ты как всегда!

– Саш, вот любишь ты раздувать из мухи слона. Это как с Самсоновым в третьем классе. Он вернул тебе потерянный мешок со второй обувью, а ты после этого месяц к нему в невесты набивалась.

– Припоминать Самсонова – это низко! Ты же знаешь, как он меня потом задирает.

– У бедняги не было выбора, он защищал свою свободу, – хохотала Ада. – Ты даже после школы его до дома провожала! И он решил, что лучшая защита – это нападение.

– Ой, все, – я закатила глаза. – Я волнуюсь, а ты тут со своими приколами. Лучше бы помогла.

– А я и помогаю, детка! Как говорила моя бабушка, не придавай лишней значимости мужикам, они все козлы!

– Не все, – упрямо заявила я.

– Конечно, не все. Вот Булаткин – ангел во плоти, – громко проговорила Ада, увидев приближающегося к нам высокого русоволосого парня с широкой добродушной улыбкой.

Наша дружба с Антоном Булаткиным началась с душещипательной любовной истории. Во втором классе я и Антон полюбили друг друга. Мы страстно целовались на переменах, пока учительница не видела. Не знаю, чем кончился бы наш роман, не вмешайся в него Ада. Оказывается, она все это время ужасно ревновала Антона, потому что тоже была влюблена в него.

Однажды, застав нас за поцелуями, Ада полезла ко мне с кулаками, кричала "Булаткин мой". Думаю, она здорово поколотила бы меня, если бы Антон не вмешался и не предложил решить проблему весьма оригинальным способом: он, Булаткин, будет одновременно любить нас обеих, потому что мы обе красивые.

Немного подумав, мы согласились. Я – потому что Ада казалась мне крутой, ведь у нее были проколоты уши, а у меня нет. А она согласилась потому, что очень хотела быть с Антоном любой ценой.

С тех пор и появилось наше трио. И хотя "любви втроем" у нас не вышло, дружба получилась отличная. Мы с Антоном перестали целоваться, потому что Ада до смерти запугала нас байками в стиле "изо рта в рот получается микроб". И микробы в ее рассказах всегда были очень опасные, а порой и смертоносные.

В итоге все свелось к тому, что мы втроем гуляли вместе после уроков, стреляли из самодельного лука, играли в фишки и делали переводилки из Малабара. Нам было так весело и хорошо, что никакой любви и даром было не нужно.

– Что обсуждаете? – поинтересовался Антон.

– Дела сердечные, как обычно, – улыбнулась Ада.

– Вы придете болеть за меня на отборе?

– На каком отборе? – не поняла я.

– Ты что забыла? – лицо Антона вытянулось. – Отбор вратаря в школьную футбольную команду! Через четыре дня!

– Ах, да.

– У нашей принцессы от любви совсем память отшибло, – ласково сказала Ада, обнимая меня за плечи. – Конечно, мы придем.

– Мы с отцом тренировались все лето, я брал даже сложные мячи. Папа говорит, что у меня есть все шансы. Помните Кирилла Островского? Он был моим главным конкурентом. Парень был хорош. Но, представляете, в августе он сломал палец и не сможет участвовать в отборе. Повезло так повезло! То есть не ему, конечно, а мне. Парня-то жалко. Но для меня это дополнительная возможность. Помню, мне тренер так и сказал в мае: "Булаткин, ты в первой пятерке претендентов." Так и сказал. А знаете, что я ему ответил?

Тут монолог Антона резко прервался, и его взгляд устремился куда-то за мою спину. Я повернулась: по коридору шла Кира Милославская, одиннадцатиклассница, которая перевелась в нашу школу в конце прошлого года.

Если быть точной, слово "шла" не в полной мере описывало то, как грациозно и уверенно передвигалась Кира. Она дефилировала по школе, приковывая всеобщие взгляды. Несмотря на

то, что ей было не больше семнадцати, ее фигура уже сформировалась: внушительного размера бюст, тонкая талия и длинные ноги. Густые светлые волосы до плеч были аккуратно уложены, а высокие шпильки придавали еще больший шарм ее образу.

– Так что ты ответил тренеру? – сварливо спросила Ада.

Ей было неинтересно. Но надо было как-то переключить внимание собеседника. Подруга терпеть не могла, когда парни вот так пялились не на нее. Пускай даже это был ее столетний друг Булаткин.

– Черт, как она хороша. За лето стала еще красивее, – отстраненно произнес Антон.

– Вы что, оба на завтрак любовного зелья выпили? – раздраженно спросила Ада. – Все, хватит охов-вздохов, пошли в класс.

После третьего урока я потащила подругу к кабинету литературы на втором этаже. Судя по расписанию, именно там у 11 “Б” намечался следующий урок.

Остановившись в коридоре второго этажа, я глазами выискивала Пешкова. Дима стоял в метрах десяти от меня и разговаривал с одноклассниками. Высокий, худощавый, с короткими светлыми волосами и правильными чертами лица, он казался мне совершенством.

Я сделала неровный вдох и опустила глаза. Мне не хотелось, чтобы он понял, что я заметила его первой. Украдкой я поднимала глаза, дабы удостовериться, что он стоит на том же месте. Рядом Ада рассказывала про свои планы на стрижку волос, но с того момента, как я увидела Пешкова, у подруги как будто выключился звук.

И вот, наконец, я заметила, что он идет прямо по направлению ко мне. Я снова опустила глаза в пол, чтобы поднять их уже в тот момент, когда Дима меня заметит.

Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как маленький электрический заряд пробежал по телу.

– Привет! – с легкой улыбкой произнес он и... Пошел дальше.

– Привет – ответила я, с ужасом понимая, что этим и ограничится наш первый живой диалог.

После того, как Пешков отошел на безопасное расстояние, Ада произнесла:

– Милая, умоляю, только не провожай его после этого до дома.

– Иди ты!

Я была рада, что подруга свела все к шутке. Но мне было непонятно, почему Дима не подошел и не заговорил? Может, стеснялся из-за того, что вокруг было много народу? Или, может, Ада права, и я опять раздуваю то, чего нет? Может, он и не думал про меня сегодня, пока не встретил? От этих мыслей стало неприятно.

После четвертого урока была длинная перемена, во время которой наш класс обычно ходил на обед. Столовая в школе была просторная, кормили по системе "шведский стол" и, надо признать, довольно вкусно. За лето я даже успела соскучиться по школьной стряпне.

Пока я витала в своих мыслях, Ада начала отчитывать какую-то девицу, стремящуюся пройти к еде без очереди.

– Эй, красотка! – окликнула нарушительницу она. – Я тоже хочу есть, но терпеливо жду! Знаешь, как это называется? Куль-ту-ра. И нечего на меня волком смотреть, я сама голодная, как волк, не беси меня!

Ада имела способность говорить в совершенно безапелляционной манере. Ты ей слово – она тебе десять. Пристыженная девушка ничего не ответила и уныло поплелась в конец очереди.

– Ты считаешь, я все надумала, да? – спросила я у подруги, когда мы, наконец, сели за стол.

– Возможно, – пожала плечами Ада.

– Надумала что? – встрял в разговор подсевший к нам Булаткин.

– Что нравлюсь Пешкову, – вздохнула я.

– А что, не нравишься?

– Ну, смотри, Антон, если тебе нравится девушка, и вы знакомы по переписке, то подойдешь ли ты к ней поговорить при встрече?

– Я не знаю, зависит от ситуации. И от девушки... Когда я начинаю думать о том, чтобы подойти к Кире, то мне становится не по себе.

– Да, но ты-то с ней вообще не знаком. Скорее всего она даже не знает о твоём существовании.

– От этого гораздо легче, спасибо, – с сарказмом произнес Антон.

Я засунула ложку с тушеной капустой в рот и внезапно ощутила сильный толчок в ребра. Чуть не подавившись, я возмущенно уставилась на Аду:

– Я вообще-то ем!

– Видишь того парня? – подруга кивком указала куда-то в сторону.

Я проследила за ее взглядом и через пару столов от нас заметила смуглого, мускулистого старшеклассника. Немного выющиеся темно-каштановые волосы, идеальная щетина на подбородке и щеках, карие глаза под темными ресницами – он был красив и прекрасно знал это.

– Его привлекательность слишком очевидна, – фыркнула я, отпивая компот.

– Да, нет ничего хуже очевидной привлекательности! – съязвила Ада. – Но я не об этом. Помнишь, летом, пока ты была в Турции, мы с ребятами ходили на Садко? Я тебе еще говорила, что там выступал парень из нашей школы со своей группой "Абракадабра"? Так вот, это он. Влад Ревков.

– Он гитарист? – спросила я.

– Гитарист и солист. Они шикарно играют, – восторженно заявила подруга. – А видела бы ты его татухи! Просто космос!

Я вновь посмотрела на парня. Никаких татуировок видно не было. Очевидно, они скрывались под белой рубашкой с длинными рукавами.

– Ясно. И теперь ты его бешеная фанатка? – с иронией поинтересовалась я.

– Почему сразу бешеная фанатка? – хмыкнула Ада. – Просто показала тебе восходящую звезду.

Мы закончили прием пищи и нехотя пошли на уроки.

Каждый год, в первую неделю сентября, я страдала от лени, которая прочно обосновалась во мне за три летних месяца. Чем старше я становилась, тем больше школа привлекала меня как место, где можно пообщаться, и все меньше как место, где нужно получать знания. Училась я хорошо, но, скорее, по привычке, а не потому, что мне нравилось.

На следующий день в кабинет химии, где находился мой класс, влетела растрепанная девушка с короткими русыми волосами по имени Алина Юкина. Мы вместе состояли в совете старшеклассников. Растерянно оглядываясь по сторонам, она искала кого-то глазами.

– Тебе помочь? – поинтересовался Булаткин.

Алина вздрогнула и подняла на него большие серые глаза:

– Эм... Да. Мне нужны Саша Алферова и Ада Калинина.

– Они вон там, – он указал на нашу парту.

Юкина направилась к нам, а Булаткин из любопытства последовал за ней.

Она поздоровалась и быстро изложила суть дела. В связи с тем, что предстоящие отборочные соревнования по футболу собиралась посетить городская администрация, требовалось организовать небольшие концертные номера между этапами отбора с целью развлечения гостей и демонстрации всесторонней одаренности учеников нашей школы.

– Ну что, вы сможете выступить с танцевальным номером? – спросила Алина.

Уловив суть разговора, Булаткин пришел в бешенство. Его возмущала мысль, что такое серьезное и важное для его будущего событие хотят разбавить какими-то танцами и песнями.

– Везде эта политика! Везде показуха! – сварливо заметил он. – Почему спорт не может быть просто спортом? Зачем нужны эти глупые танцурки?

– Что ты имеешь против танцев? Никто бы и не ходил на футбольные матчи, если бы в перерывах не выступали девчонки из группы поддержки, – осадила его Ада.

– Да как ты смеешь? – выпучив глаза, оскорбился Антон.

– Ты предлагаешь нам за три дня сбавать танцевальный номер на две минуты? – уточнила я. – Ты же понимаешь, что это практически нереально?

– Да, я знаю, что это непростая задача, но наверняка у вас есть какие-то заготовки.

– Ну, не знаю, заготовки заготовками, а мы почти два месяца не тренировались, – подержала меня Ада.

– Алин, напомни, а из какого ты класса? – совершенно не в тему спросила я.

– Из 11 “Б”.

Я замолчала, обдумывая информацию. 11 “Б”. Класс, в котором учился Дима Пешков.

– Скажи, а для остальных учеников явка в качестве зрителей обязательна? – поинтересовалась я.

– Должно быть минимум по пять представителей от каждого класса, остальные – по желанию.

– То есть гарантий того, что придут все, нет?

– Все, конечно, не придут, но придет большинство. Это же отборочные вратаря в школьную команду, это интересно всем.

– Всем, кому интересен футбол, – задумчиво проговорила я, размышляя о Диме.

Пешкова футбол, скорее всего, мало волновал. Он был скейтером, и ему был интересен скейтборд. А вот футбол вряд ли.

– Но прошлых отборочных была чуть ли не вся школа, поэтому за отсутствие зрителей я переживаю меньше всего, – ответила Алина.

На несколько секунд я замолчала, а потом сказала:

– Мы согласны. Мы организуем номер со своей командой. Можешь передать Светлане Викторовне, что все будет сделано в лучшем виде.

– Отлично, Саша, спасибо, – немного удивленно проговорила Юкина.

– Да не за что, какие вопросы. Только у меня есть к тебе малюсенькая просьба. Ты могла бы организовать явку всего твоего класса на это мероприятие?

– Всего моего класса? – озадаченно переспросила Алина.

– Ну да. И было бы здорово, если бы они все расположились поближе к сцене. Ну, то есть к полю.

– Хорошо, – в замешательстве согласилась Юкина. – Но зачем?

– Не спрашивай, – загадочно улыбнулась я.

На этом и порешили. Ада поинтересовалась, будет ли выступать группа “Абракадабра” на отборочных. Алина отрицательно покачала головой.

Прозвенел звонок, и Юкина, довольная своей маленькой победой, направилась на урок.

– Для того, чтобы ты могла повертеть попой перед своим Пешковым, мы должны три дня безостановочно тренировать, чтобы не облажаться, – сварливо сказала Ада, пересаживаясь за парту в соседнем ряду.

Конечно, она сразу смекнула, зачем я просила Алину обеспечить явку всего 11 “Б”. Я видела в этом свою возможность. Танец был моей страстью. Я танцевала с четырех лет, именно тогда мама отвела меня на ритмику.

С первого по пятый класс я училась в Институте искусств: изучала народные и классические танцы, вставала на пуанты и осваивала музыкальную грамоту. В шестом классе я посещала занятия по бальным танцам. А в восьмом нам с Адой посчастливилось попасть в лучшую танцевальную школу города под названием “Экстра”. Там обучали современным направлениям

танца. В "Экстре" была своя среда, своя тусовка, свой неповторимый мир единомышленников и лучший тренерский состав.

Я обожала свои ощущения во время танца. Двигаясь под ритмичную музыку, я чувствовала себя бесконечно уверенной в себе. Я отдавалась процессу полностью, всей душой. Меня не беспокоило происходящее вокруг, я не переживала о своих проблемах, не вспоминала обиды. Просто была собой, чистым и вдохновленным музыкой существом.

Ада разделяла мою страсть к танцам, и это делало нашу дружбу еще крепче. Мы учились в одном классе, жили в соседних дворах, вместе ходили на тренировки, менялись одеждой и часами висели на телефоне.

Вечером, после тренировки в "Экстре", мы попросили свободных ребят поучаствовать в нашем выступлении на отборочных. В итоге набралась команда из восьми человек. Мы задержались в зале и за два часа неплохо продвинулись. Хореографию решили сделать смешанную: просто соединили воедино несколько ранее выученных связок и сделали плавные переходы из одной в другую. Последующие три дня мы понемногу репетировали каждый вечер.

В день отборочных Булаткин был комком нервов. Он беспрестанно думал о соревнованиях и просто одолевал нас с Адой озвучиванием своих предчувствий и переживаний:

"Вчера от Осипова узнал, что Власюк сказал ему, будто Коля Архипов – один из моих конкурентов – сын сестры парикмахера нашего тренера. Это нереальный блат. Как думаете, у меня теперь нет шансов?"

"Географичка – бесчувственная стерва. Разве она не знает, что сегодня отборочные? Как она может вызывать меня к доске в такой день?"

"Ада, у тебя пирожок с яблоком? Ты будешь доедать? Я доем. Мне сейчас нужно больше калорий, у меня же отборочные."

"Саш, я сегодня не принес учебники. Не хотел перегружать спину, у меня же отборочные. Иди спроси у кого-нибудь лишний учебник, только быстрее, перемена заканчивается."

– Он будто в президенты баллотируется, – проворчала я на ухо Аде, пока Булаткин самозабвенно делал сам себе массаж шеи.

– Причем не страны, а всего мира, – поддержала подруга. – А еще говорят, женщины – истерички.

– Эй, кто-нибудь! Помогите мне, я не могу промассировать вот эту точку, у меня там скопилось напряжение, – позвал Антон, обращаясь к нам.

Мы с Адой переглянулись: массировать шею Булаткину, а параллельно выслушивать новый поток его причитаний никому не хотелось. Подруга сообразила первой.

– Антош, ты извини, но я обещала зайти к Лариске на этой перемене, а вот Сашка с удовольствием тебе поможет, – ележно проговорила она и пулей вылетела из кабинета.

Я одарила уходящую Аду ледяным взглядом и пошла разминать другу шею.

Когда уроки закончились, все стали готовиться к мероприятию. Булаткин пошел разогреваться, а мы направились встречать свою команду, чтобы еще раз прогнать номер.

Отборочные проходили на школьном стадионе, под открытым небом, и погода этому поспособствовала: было тепло и солнечно, как летом.

Мы с командой переоделись в свои костюмы: одинаковые красно-черные рубашки в клетку и потертые голубые джинсы. Девчонки завязали рубашки, оголив животы, а парни оставили их навыпуск. Закончив приготовления, мы заняли места поближе к полю, на котором была установлена небольшая сцена. Кулис не было, поэтому все выступающие поднимались на нее прямо с трибуны.

В глаза сразу бросалось большое количество народу. Тут были и робкие пятиклашки, и вальяжные одиннадцатиклассники. Всем было интересно, кто станет следующим вратарем. Футбольная команда нашей школы слыла одной из лучших и занимала много призовых мест

на городских и областных соревнованиях. Футбол для школы был чем-то объединяющим, ведь во время матчей мы все болели за свою команду.

Я внимательно разглядывала трибуны и, наконец, увидела Пешкова. Алина Юкина не подвела: 11 «Б» был в полном составе. Интересно, как ей удалось всех уговорить? Дима сидел, развалившись на скамейке, и что-то увлеченно обсуждал со своим другом, Петькой Шаровым.

Спустя пять минут общей суеты на сцене появился ведущий Максим Муслимов, высокий симпатичный брюнет с микрофоном в руке:

– Уважаемые учащиеся школы №131 и дорогие гости, мы рады приветствовать вас на отборочных соревнованиях по футболу! Сегодня решится, кто же станет вратарем нашей горячо любимой команды!

Пока Максим торжественно приветствовал присутствующих, Ада наклонилась ко мне:

– Блин, как он меня бесит. Столько пафоса. Почему его всегда ставят ведущим?

– Ты просто его сразу невлюбила. А ведущий он нормальный, – беспечно отозвалась я.

– Конечно, невлюбила, он ведь жить не может без своих нудных нравоучений. А уж эти его речи про социальную ответственность, – подруга сделала вид, будто ее тошнит.

Ада и Максим, казалось, хронически не переносили друг друга. Наверно, большей частью потому, что Ада не стеснялась громогласно заявлять о своем мнении, а Макс не менее громогласно сообщал, что он с ней не согласен.

Они оба состояли в Совете старшеклассников и беспрестанно спорили друг с другом. Как правило, Ада нервничала, начинала переходить на личности, а он с невозмутимым видом продолжал настаивать на своем. От этого подруга злилась еще больше, и ссора шла по кругу.

У Муслимова удивительным образом получалось сохранять спокойствие при любых обстоятельствах, и, по-моему, Ада бесилась из-за того, что не могла вывести его из себя. Лично мне Максим нравился. Во многих спорных ситуациях я была на его стороне, но внешне этого, конечно, не показывала. Из солидарности к чувствам подруги.

Глава 2

Отборочные показали мне довольно увлекательными. На место вратаря могли претендовать ученики с седьмого по десятый класс. Итого набралось двадцать девять претендентов. Соревнования проходили в несколько этапов, в каждом из которых оценивалась техника владения мячом и общая физическая подготовка ребят.

Уже с первых испытаний стали очевидны основные кандидаты на победу, и Булаткин, к счастью, был среди них. Друг держался уверенно, и мне с трудом верилось, что он так переживал накануне. Судьями выступали учителя физкультуры, тренер футбольной команды и ее капитан Егор Анохин.

После нескольких отборочных туров, во время перерыва Максим Муслимов громко объявил наш танцевальный номер. Мы с ребятами поднялись с мест и направились к сцене. Взгляды присутствующих тут же обратились к нам.

Ощутив на себе внимание нескольких сотен людей, я занервничала. На выступлениях, перед тем, как заиграет музыка, я всегда немного волновалась. Но стоило ритмичным звукам коснуться моего уха, как я мгновенно раскрепощалась и отдавалась танцу.

Во время подъема на сцену я боковым зрением заметила Диму Пешкова, который наблюдал за нами, чуть подавшись вперед.

Мы заняли исходные позиции на сцене, заиграла музыка, и номер начался. Местами танец был мощным и амплитудным, а порой движения становились плавными и неторопливыми. В таких случаях я всегда демонстрировала пластичность и женственность. Это у меня получалось особенно хорошо, ведь я умела быть грациозной.

Танец начинался с ритмичной связки в стиле хип-хоп, затем девчонки с парнями разбивались на пары, и мелодия становилась более чувственной. Танец в парах добавлял номеру пикантности. Затем мы сделали перестроение, осуществили несколько акробатических трюков и подвели выступление к логическому завершению.

Раздались аплодисменты и одобрительный свист. Тяжело дыша, я улыбнулась: всегда приятно слышать овации в свой адрес. Взявшись за руки, мы отвесили поклон и сбежали вниз со сцены. Проходя к своему месту, я опять как бы невзначай посмотрела на Диму. Улыбаясь уголком рта, он кивнул мне.

Отборочные продолжились. Я искренне болела за Булаткина и, когда подходила его очередь, с силой сжимала кулачки, желая другу удачи. Спустя несколько этапов напряженной борьбы в финал вышли пять парней, Антон был в их числе.

Последний этап испытаний заключался в тестировании навыков вратаря действующими игроками школьной команды. Футболисты по очереди пробивали пенальти. Каждому кандидату давалось пять попыток. Вратарем в конечном итоге становился тот, кто отобьет больше всего мячей.

Я поежилась. Одно дело – заслонять ворота в момент игры, когда на поле есть защитники, и совсем другое – один на один стоять перед нападающим, который без всяких помех метит в цель.

Когда подошла очередь Антона, он показался мне крошечным по сравнению с огромными футбольными воротами. И это при его росте почти в сто восемьдесят сантиметров.

Булаткин отбил четыре мяча из пяти. Такой же результат показал Гриша Митин из параллельного класса. Теперь они вдвоем должны были вновь пройти через процедуру пяти пенальти. Начался второй круг.

Антон, стоя у ворот, был воплощением сосредоточенности. Брови сдвинуты к переносице, глаза немного прищурены. В теле угадывалось напряжение. Булаткин уже отбил четыре

мяча, и когда остался последний, на поле показался главный нападающий команды Никита Ящук. Он принес школьной сборной много побед и слыл всеобщим любимцем.

Никита разбежался, и, когда занес ногу для удара, я была уверена, что мяч полетит вправо. Но каким-то чудесным образом он метнулся в левый угол. Я ахнула. Но Булаткин оказался прозорлив и угадал направление. Он прыгнул по диагонали и ловко схватил мяч.

Трибуны взорвались. "Булаткин – красавчик!" – доносились одобрительные крики. Антон выдохнул и направил взгляд на нас с Адой. Мы широко заулыбались, поднимая большие пальцы вверх. Друг устало кивнул нам.

Но расслабляться было рано: если Гриша сможет также отбить пять мячей, то парням придется повторять все по третьему кругу.

– Он, как выжитый лимон, – с беспокойством отметила Ада.

– Ничего не имею против Гриши, но хочу, чтоб он сейчас лажанул, – вздохнула я.

Пока Митин готовился, я украдкой бросила взгляд в сторону Пешкова и не без досады заметила, что рядом с ним нарисовалась Яна Ширшикова, девчонка из другого десятого класса. Я не любила эту фальшивую пигалицу с тех самых пор, как пару лет назад она, будучи "подругой" моей знакомой Арины Макаровой, распускала про нее обидные слухи за глаза.

Яна присела на спинку стоявшего перед Пешковым сиденья и принялась что-то ему рассказывать, жеманно поправляя темные волосы. Парень слушал с улыбкой и иногда посмеивался.

От созерцания этой нелицеприятной сцены меня отвлек свисток, сигнализирующий о второй серии пенальти для Гриши. Поначалу парень держался хорошо. Взял первые три мяча, однако четвертый ему не дался. Митин упал на колени и огорченно схватился за голову. Вся его поза выражала разочарование.

Мы с Адой завизжали и радостно схватились за руки. Гришу, конечно, было жалко, но все сложилось по справедливости. Антон честно заслужил звание нового вратаря футбольной команды школы №131.

Друг улыбался во все тридцать два, принимая поздравления от своих новоиспеченных партнеров по команде. Сбежав на поле, я подскочила к нему и повисла на шее.

– Булаткин, ты с седьмого класса мечтал играть в школьной сборной, и вот теперь это твоя реальность, – восторженно провозгласила я, целуя его в щеку.

– Что сказать, повезло, – скромно почесывая затылок, ответил Антон. Видимо, его смущал такой наплыв поздравлений и похвалы.

Спустя полчаса трибуны начали постепенно пустеть. Школьники расходились. Я вновь посмотрела на Диму, который по-прежнему разговаривал с Яной, и сердце ревниво сжалось. Ну о чем можно так долго трындеть?! Я раздраженно опустила взгляд и мысленно пристыдила себя за то, что все время пялюсь на него.

– Ну что, отпразднуем? – Булаткин обхватил меня за плечи.

– Да, давай, – улыбнулась я.

– Все в Мак, я угощаю! – присвистнул он.

После поедания бургеров и картошки фри с Антоном, Адой и еще несколькими одноклассниками я вернулась домой, завалилась на кровать и поднесла к лицу телефон.

От увиденного по телу пробежали мурашки. Одно сообщение. От Пешкова. Я глубоко вдохнула и рвано выдохнула, прежде чем нажать "открыть".

Наше общение началось довольно мило: стандартные "как дела" и "что делаешь" сменились комплиментами в адрес моих танцевальных талантов. Не выдержав, я спросила, всегда ли мы будем общаться только виртуально, на что Пешков без стеснения позвал меня погулять.

Перекладывая телефон из руки в руку, я задумалась. Случившееся выглядело так, будто я сама напросилась на свидание. Все же приятней, когда парень добивается встречи, а не наоборот. Но дело было сделано, и давать заднюю я не собиралась.

Мы договорились встретиться завтра вечером и сходить в кино. В прокате шел какой-то хоррор, на который Пешков хотел попасть.

На самом деле ужастики я совсем не любила. После них всегда плохо спалось ночью. Было страшно высунуть руку или ногу из-под одеяла, потому что казалось, что чья-то холодная костлявая ладонь обязательно схватит за конечность и утащит в чистилище.

Несмотря на то, что мне было шестнадцать, а не шесть, я никак не могла отделаться от этого нелепого страха, поэтому несколько ночей после просмотра фильмов ужасов парилась под одеялом, не рискуя вытащить наружу даже палец.

Однако сейчас ситуация была нестандартная, и отменять встречу с Пешковым из-за костлявой руки я не собиралась. "Придется потерпеть!" – приказала я себе.

На следующий день я рассказала друзьям о предстоящем вечере.

– Зачем на первое свидание идти в кино? – недоумевал Антон.

– В смысле? – не поняла я.

– Вы сидите и два часа пялитесь на экран без возможности пообщаться. В итоге за это время вы вообще не продвигаетесь в том, чтобы узнать друг друга лучше. А разве не в этом смысл свидания?

Я задумалась. Определенно в словах Булаткина существовало рациональное зерно. Будь я парнем, ни за что бы не потащила девушку в кино в самом начале отношений, да еще и на ужастик.

Однако все эти рассуждения не могли помешать мне тщательно готовиться к встрече. Я приняла душ, накрутилась, надела легкое шифоновое платье и стала ждать Пешкова, который должен был подойти к моему дому.

Парень явился спустя двадцать минут после назначенного времени. Вначале я хотела пристыдить его за опоздание, но потом решила не занудствовать и сделать вид, что не обратила внимания.

Фильм выдался на редкость дрянной. Не столько страшный, сколько мерзкий. Расчлененка, кровь, кишки, надрывные крики главных героев – мне казалось, что мой мозг изнасиловали. В некоторых моментах я встревоженно цеплялась за руку Димы и с силой сжимала ее.

Нет, не то чтобы я испугалась или перенервничала... Просто ведь надо же было хоть как-то развивать наши отношения? Я решила, что притвориться напуганной и незащитной – не худшая тактика. Помнится, в женских журналах писали, что парням такое нравится.

После фильма мы немного прогулялись по торговому центру, а потом Пешков предложил проводить меня домой. В общении он оказался легким и открытым, с юмором смотрел на жизнь и забавно шутил.

Главным увлечением Димы, по его словам, был скейтбординг. Он тратил на катание и отработку трюков почти все свое свободное время, а в прошлом году даже участвовал в соревнованиях и занял призовое место.

Больше всего меня привлекали его необыкновенные бледно-голубые глаза. Они напоминали чистые замерзшие озера, ведь именно таким цветом изображают лед на картинках. Я даже заподозрила парня в том, что он носит линзы, но он опроверг мои предположения, сказав, что редкий цвет глаз унаследовал от матери.

Мы брели по улице, беззаботно болтая обо всем на свете и изредка поглядывая друг на друга.

– До шестнадцати лет я был одним из самых низких пацанов в классе. Мой отец все недоумевал, почему я не расту, ведь он у меня сам под метр девяносто. Но летом после девятого класса, наконец, произошел скачок роста, и в десятом я уже стоял в начале шеренги на физкультуре, – с улыбкой признался он.

– Повезло тебе. А я, по ходу, выше своих метра шестидесяти так и не вырасту. У меня и мама, и папа невысокие.

– А девушке и не нужен большой рост, – беспечно отозвался Пешков. – Мне вот высокие не нравятся, всегда любил миниатюрных.

Я смущенно улыбнулась, потому что это прозвучало как комплимент в мой адрес.

Проводив до дома, Дима по-дружески обнял меня на прощанье. Поцеловать даже не попытался. И вообще, кроме комментария про миниатюрных девушек, который с большой натяжкой можно было назвать флиртом, романтики в нашем вечере не наблюдалось. Так что я задумалась, чем все-таки был этот поход в кино: дружеской встречей или свиданием?

В течение следующей недели мы с Пешковым встречались еще пару раз. Во вторник прогулялись по улице, поели мороженого и разошлись. В конце опять были объятия, и ни намек на что-то большее.

В следующий раз он позвал меня потусить с его компанией в Николаевском парке. Там былолюдно, повсюду шумно отдыхала молодежь, а на покрывалах, постеленных на траве, сидели сладкие парочки. Чуть поодаль, на гладкой асфальтированной дорожке, я заметила Пешкова и его друзей, которые отработывали немислимые трюки на скейтбордах.

К своему неудовольствию, на скамейках рядом с ними я увидела небольшую группу девочек, среди которых была Яна Ширшикова. Она елеино улыбалась и противно пищала каждый раз, когда Пешкову удавалось выполнить очередной трюк.

Приблизившись к ребятам, я громко поздоровалась, ожидая, что Дима как минимум подойдет ко мне. Однако Пешков лишь коротко улыбнулся, помахал мне рукой и продолжил увлеченно заниматься своей дурацкой доской на колесах. Не зная, что мне делать и как себя вести, я нехотя присела на скамейку к девчонкам.

– Привет, Саш! А ты чего здесь? Кто тебя позвал? – поинтересовалась Яна, смерив меня недобрым взглядом.

– Дима позвал. А что?

– Да так... И давно ты с ним знакома? – она пыталась говорить дружелюбно, но ее голос звучал до противного фальшиво.

– А ты? – я предпочла проигнорировать ее вопрос.

– Да мы все лето вместе тусовались, – высокомерно ответила она.

Я промолчала и, опустив голову, начала рассматривать шнурки на своих кроссовках. Я совсем по-другому представляла эту встречу с Пешковым. Думала, мы пообщаемся, повеселимся... А Дима вел себя так, будто мы едва знакомы, будто это не он пригласил меня сегодня в парк.

Мои угрюмые мысли прервали громкие возгласы парней.

– Димон, ставлю сотню, что ты не сможешь сделать бордслайд на этих перилах! Расшибешь себе яйца нахрен, – ржал Петя Шаров.

Сначала я не поняла, о чем речь. Но, прислушавшись к диалогу, выяснила, что Пешков собирается выполнить опасный трюк, скатившись на доске по перильным ограждениям лестницы, ведущей к памятнику Домовому. Угол наклона и длина перил были внушительными, и мне стало ясно, почему Шаров предостерегает друга.

– Димась, не делай этого, – умоляюще проговорила Яна, поднявшись со скамейки. – Это же опасно!

Пешков выглядел взволнованным и, казалось, особо не слушал предостережения ребят. Наши взгляды встретились, и я растянула губы в легкой улыбке.

– Ну а ты, Саш, что скажешь? – поинтересовался Дима.

– Мне кажется, лучше попробовать и жалеть о раздавленных яйцах, чем не рискнуть и жалеть, что струсил, – ответила я.

Раздался хохот парней.

– Резонно, – усмехнулся Дима. – Давай так: если у меня получится, ты поцелуешь меня на прощанье сегодня.

В душе я уже танцевала победный танец. Это был подкат, причем еще и публичный. Я кожей ощущала на себе неприязненный взгляд Яны, но сейчас мне было не до этой завистливой стервы.

– По рукам, – кивнула я.

Дима поднялся по лестнице и сосредоточился. Его лицо стало серьезным и напряженным. Ребята, затаив дыхание, смотрели на него.

Внезапно мне в голову полезли всякие дурные мысли. Я подумала, что, неудачно упав с лестницы, можно не только расшибить определенные части тела, но и расшибиться самому. Эх, зря я, наверное, его подначивала!

Каким-то немислимым движением ног Дима вместе со скейтом подпрыгнул до уровня перил и, скользя на доске, съехал с них. Непринужденно, легко и совершенно спокойно.

Когда он удачно приземлился, все облегченно выдохнули. Петька сунул Пешкову в карман рубашки проспоренную сотку и одобрительно похлопал друга по плечу.

Дима довольно подмигнул мне, и до конца вечера я пребывала в приподнятом настроении, которое не могли испортить даже едкие комментарии Ширшиковой.

Когда все стали расходиться, Пешков вызвался проводить меня. По дороге он рассказывал истории о падениях и травмах скейтеров при исполнении особо сложных трюков. Удивительно, что, зная всю эту жуть, он по-прежнему катался на доске.

Когда мы подошли к моему подъезду, между нами повисла неловкая пауза. Мы оба прекрасно понимали, что должно произойти, но не знали, как перейти к делу.

Момент перед первым поцелуем всегда был для меня мучительным. Сам поцелуй не так пугал, как пара секунд до него. За это время нужно было приблизиться, внимательно наблюдать за парнем, чтобы по его лицу понять, что уже пора закрывать глаза, нагнуть голову под нужным углом и при всем этом оставаться расслабленной.

С Пешковым я пережила все эти мучительные стадии, пока, наконец, его губы не коснулись моих. Поцелуй был нежным и неторопливым. Мысленно я поставила Пешкову восемь баллов из десяти. Два очка он потерял из-за рук, которые сначала безвольно болтались вдоль его корпуса, а потом как-то невнятно гладили меня по спине.

Оказавшись дома, я бесшумно станцевала свой фирменный победный танец, который исполняла всякий раз, когда добивалась желаемого. Улыбаясь, я прошла в зал, где папа, как обычно по вечерам смотрел телевизор. Видимо, отец не слышал, как я пришла домой, потому что, заметив меня, вздрогнул и как-то нервно отложил телефон экраном вниз.

Я присела в кресло и попыталась завести разговор, но папа отвечал односложно, и я никак не могла отделаться от ощущения, что он с нетерпением ждет, когда я оставлю его в покое.

В соседней комнате мама, как всегда, сидела со своими бухгалтерскими отчетами. Мало того, что она практически каждый день задерживалась на работе, так еще и тащила эту самую работу домой, а потом до ночи возилась с ней.

Этот вечер был копией сотни других вечеров в нашем доме. Мама, приходя домой, занималась хозяйством и готовила еду, а потом корпела над своими документами и табличками до полуночи.

Папа, приезжая домой после работы, плотно ужинал и шел смотреть телевизор, даже не убрав пустую тарелку со стола. Каким-то удивительным образом все домашние обязанности миновали моего отца и распределялись между мамой и мной.

До недавнего времени мне даже в голову не приходило, что мужчина может брать на себя какие-то бытовые дела. Но однажды в гостях у Булаткина я увидела, что его отец после ужина встал и сам перемыл кучу посуды, пока мама Антона болтала с подругой по телефону.

Я поинтересовалась у друга, часто ли его папа помогает по дому, и узнала, что в семье Булаткиных был заведен совсем иной порядок. И отец, и сам Антон, и его старший брат делали

какую-то домашнюю работу. Интересно, как такая хрупкая женщина смогла устроить быт так, чтобы трое мужчин в ее доме были помощниками по хозяйству?

Рассказав об этом маме, я спросила, почему у нас в семье все по-другому.

– После свадьбы мне было в радость ухаживать за папой. Я тогда заканчивала учебу, сил было много. А потом мы просто привыкли так жить, – ответила она.

– Но ведь сейчас ты работаешь даже больше, чем он. Ну, по времени в смысле. Вечно до ночи сидишь со своими отчетами, – мягко возразила я.

– У папы работа нервная, ему отдыхать нужно, – пожала плечами мама.

Папа был начальником в ЧОПе, и его работа не казалась мне такой уж нервной. Ну, по крайней мере, со стороны. Он ходил в офис к девяти, мог в любое время отлучаться по своим делам и имел собственный кабинет.

Мама никогда не жаловалась на отца, не пыталась его переделать. Казалось, ее вообще все в нем устраивает. Что ж, видимо, все семьи, как и люди, разные. И что норма для одной, то неприемлемо для другой.

На следующий день после уроков состоялось первое заседание Совета старшеклассников в этом году. Мы с Адой вступили туда еще в девятом классе. Я пошла в Совет, потому что мне нравилась общественная деятельность. С небольшой натяжкой меня даже можно было назвать активисткой.

Ада вступила в Совет, как мне казалось, по двум причинам. Первая – чтобы составить мне компанию. Вторая – чтобы пользоваться привилегиями. Учителя всегда благосклонно относились к общественным деятелям: закрывали глаза на пропуски по причине подготовки к очередному мероприятию и не топили на уроках слишком сложными вопросами.

Собравшись в актовом зале, мы расставили стулья кругом, чтобы лучше видеть друг друга. Всего нас было человек тридцать. Через пару минут появилась завуч по воспитательной работе Светлана Викторовна, энергичная женщина лет сорока с короткой стрижкой. Заняв свободный стул, она громко объявила о начале собрания.

– Так, первый вопрос на повестке дня – это выбрать нового председателя Совета старшеклассников. Настя Ильина выпустилась в том году. Поднимите руку все, кто хочет занять ее место, – скомандовала она.

Лично мне совсем не хотелось быть председателем. Я понимала, что с дополнительной властью придет и дополнительная ответственность. Однако, видимо, не все разделяли мои опасения. Поднявших руки нашлось аж семь человек. К моему удивлению, среди них была и Ада.

Записав на магнитно-маркерной доске фамилии кандидатов, Светлана Викторовна раздала нам бумажки, на которых следовало написать имя того, за кого мы голосуем, а затем кинуть свою бумажку в коробку. Председателем становился человек, набравший больше всего голосов. Учитывая, что моя лучшая подруга участвовала в выборах, у меня не оставалось вариантов, за кого голосовать.

Быстро написав ее имя на листе, я опустила его в коробку и стала рассматривать других. Забавно, но ребята выглядели очень серьезно, как будто от выбора председателя реально зависела их судьба. Удивительно, как вдохновляется человек, когда понимает, что его решение может на что-то повлиять. Это ужасно поднимает уровень собственной значимости. Наверно, поэтому люди идут в политику, – хотят почувствовать себя важными.

Когда процедура выборов была завершена, Светлана Викторовна подсчитала результаты и объявила, что новым председателем Совета старшеклассников становится Максим Муслимов. По ее словам, на втором месте по количеству голосов расположилась Ада Калинина, поэтому она занимает пост его заместителя.

Разочарованное лицо Ады, услышавшей новость о назначении Муслимова на пост председателя, исказилось до неузнаваемости, когда она узнала, что будет его заместителем.

– А с каких это пор председателям нужны замы? – возмутилась она.

– С тех самых пор, как в параллели одиннадцатых впервые за долгое время три класса вместо обычных двух, – пояснила завуч.

Ада выглядела взбешенной. Ее узкие ноздри раздувались, а меж бровей залегла морщина. Казалось, если бы не присутствие Светлана Викторовны, Калинина начала бы кидать стулья в Муслимова.

Как-то в пятом классе подруга провернула такое. Женя Павлов, наш одноклассник, задрал Аде юбку, и все увидели ее трусы. Она так разозлилась, что схватила стул и швырнула им в Женю. Мальчик пригнулся, но стул все равно задел его спину.

Павлов разнылся и пожаловался классной руководительнице на Аду. В итоге ее родителей вызывали в школу и подругу заставили извиниться перед Павловым. Ада наотрез отказалась. После этого родители на целую неделю лишили ее компьютера. Зато и юбку ей больше никто не задирает.

Победивший на выборах Максим выглядел очень довольным и с игривой улыбкой проговорил:

– Брось, Калинина, уверен, мы с тобой отлично сработаемся.

Ада ничего не ответила. Только сжала зубы и сложила руки на груди.

Светлана Викторовна начала озвучивать предварительный план мероприятий на текущий учебный год. Через полтора месяца намечался школьный конкурс талантов, победитель которого получал в качестве приза пять тысяч рублей.

Мне сумма показалась довольно внушительной. Особенно, учитывая то, что примерно столько я заработала за две недели работы промоутером прошлым летом. Мы активно обсуждали условия участия и судейский состав, а после того, как основные моменты были решены, стали расходиться.

Покинув актовый зал, Ада вцепилась мне в руку и начала бурно негодовать:

– Как же меня достал этот Муслимов! Его наглая рожа просто везде! Ну как меня угораздило стать заместителем самого занудного человека в школе?!

– Не воспринимай это так близко к сердцу. Не думаю, что вам придется общаться в разы больше обычного, – я попыталась успокоить подругу.

– Я его на дух не переносу! Самовлюбленный осел! Саш, серьезно, лучше застрели меня на месте, – ныла Ада.

Пока мы шли до дома, других тем, кроме обсуждения недостатков Максима, у нас не нашлось. И я, признаться честно, облегченно вздохнула, когда, наконец, попрощалась с разъяренной подругой.

Глава 3

Я была единственным ребенком в семье, чему несказанно радовалась. А все потому, что вдоволь наслушалась о нелегкой жизни Ады, у которой была четырехлетняя сестра Рая.

Помню, когда подруга сказала мне, как ее родители собираются назвать свою вторую новорожденную дочь, я чуть не подавилась чаем. Ада и Рая. По-моему, это чересчур. Но у Калининых было своеобразное чувство юмора.

Когда родилась Рая, ее маме было тридцать девять лет. Родители восприняли рождение малышки, как вторую молодость, и с головой погрузились в приятные заботы. На тот момент Аде было двенадцать, и она очень болезненно переживала то, что родительское внимание переключилось на сестру.

Подруга жаловалась, что Рая пищит по ночам и не дает спать. Сокрушалась потому, что мама теперь не слушает ее, Аду, когда та пытается рассказать ей о своих делах. А если и слушает, то не слышит и задает одни и те же шаблонные вопросы.

Я знала, что в глубине души Ада любила сестру, хотя и отзывалась о ней не иначе как "засранка", "заноза в заднице" и "вонючка". Подруга говорила, я должна быть счастлива тому, что у меня нет братьев и сестер.

Мне и правда было комфортно жить с ощущением того, что я единственный объект любви своих родителей. Однако в последние годы любви значительно поубавилось, особенно со стороны отца. Иногда мне казалось, что я ему надоедаю.

Когда я была маленькой, папа любил меня, прощал все шалости, звонко чмокал в щеку и защищал перед мамой. Теперь он стал другим. Холодным. Недовольным. Отстраненным. Казалось, будто со временем он потерял ко мне интерес.

Когда я рассказывала ему про школу, тренировки, фильмы или музыку, которая мне нравилась, отец всегда задавал какие-то провокационные вопросы. Словно старался уличить меня в глупости, невежестве или примитивности. Постепенно мне стало сложно свободно рассуждать при нем. Я не хотела наткнуться на критику, ставящие в тупик вопросы или насмешливые взгляды.

С мамой дела обстояли лучше. Мы хорошо ладили. Я доверяла ей и видела ее искреннюю заинтересованность в моей жизни. Мама у меня была очень спокойная и ласковая. Я пережила много болезненных моментов, уткнувшись ей в плечо и вдыхая аромат ее дорогих духов.

В свободное время я понемногу начала готовиться к конкурсу талантов. Мне хотелось станцевать в непривычном стиле. До поступления в "Экстру" я занималась бальными танцами и решила воскресить в себе забытый навык.

К счастью, с поиском партнера сложностей не возникло. Я написала знакомым танцорам с просьбой помочь мне. Один из них согласился. Его звали Миша Орлов. Мы договорились, что в случае победы приз поделим пополам.

Миша казался идеальным партнером. Во-первых, он хорошо двигался. Во-вторых, обладал мягким и уступчивым характером. И, наконец, он был совершенно не в моем вкусе, поэтому, проводя с ним время наедине, я думала только о выступлении.

Первые несколько репетиций мы с Мишей продумывали номер. Оказалось, что в прошлом он тоже занимался бальными танцами. Мы смотрели записи парных выступлений на Youtube, отмечали для себя моменты, которые нас зацепили, а потом пробовали исполнить их. К концу третьей репетиции хореография была готова, оставалось только отработать и вычистить ее. До конкурса талантов оставался месяц, и мы договорились встречаться раз в неделю.

Как-то вечером после тренировки мне написал Пешков и пригласил посидеть в кафе. Честно сказать, я не понимала, что за отношения сложились между нами.

Мы гуляли, целовались, переписывались перед сном, но все же чего-то не хватало. Между нами не было определенности. После прогулки со страстными поцелуями он мог не писать мне по два дня. В школе был приветливым и милым, но все же не как парень со своей девушкой.

Пару раз я пыталась вывести его на разговор в стиле "кто мы друг другу", но он незаметно для меня самой съезжал с этой темы. Злиться на Пешкова было трудно, он был такой позитивный и легкий, что я со своим вечным анализом казалась себе слишком замороченной.

В кафе я опоздала минут на десять, но все же пришла раньше Пешкова.

Когда мы сделали заказ, он коснулся моей руки и сказал:

– Ты сегодня как-то по-другому убрала волосы? Тебе идет.

Действительно, после долгой практики у меня наконец-то получилось заплести самой себе достойный "колосок".

– Надо же, ты заметил! А в «Космо» пишут, что только двенадцать процентов мужчин замечают в женщинах смену прически или маникюра, – кокетливо отозвалась я.

– Я вообще очень внимательный! – усмехнулся Дима.

– А какого цвета у меня лак на ногтях? – спросила я, быстро спрятав руки под стол.

– Э... Розового? – он ткнул пальцем в небо.

– Ха-ха, ты такой же как те восемьдесят восемь процентов. Уже вторую неделю с этим цветом хожу, – рассмеялась я и вновь положила на стол руки с покрытыми черным лаком ногтями.

– Вот черт! – с улыбкой ругнулся Пешков.

Он пересел ко мне и нежно поцеловал. Сегодня парень пребывал в особенно хорошем настроении, много шутил и был ласков.

– Дим, мы столько времени проучились в одной школе. Почему раньше не общались?

– Просто раньше ты была маленькой.

– В смысле?

– Ну, в смысле ты выглядела, как ребенок. А в этом году первого сентября я увидел тебя и офигел.

– Хочешь сказать, что за лето изменилась? Странно. Вроде я даже особо не подросла.

– Ну, кое-что у тебя точно подросло, – хитро улыбнувшись, ответил Дима.

Я захихикала и ткнула его локтем в бок.

Вскоре принесли наш заказ, и мы приступили к еде. Ужин был в самом разгаре, когда дверь кафе открылась, и внутрь вошла Яна Ширшикова. Я сжалась, мысленно надеясь, что она нас не заметит, но не повезло.

Увидев меня с Димой, девушка широко улыбнулась и двинулась к нашему столику. Черт бы побрал эту стерву! Почему она приперлась именно сюда?

– О, Янка, привет! Садись к нам, – Пешков поднялся и обнял ее.

Садись к нам?! Я что-то упустила? Когда стало нормальным во время свидания приглашать за столик другую девушку?

– А я не помешаю? – поинтересовалась Яна, когда уже села за наш стол.

– Нет. Ты же не против, Саш? – Дима посмотрел на меня невинными глазами.

Я кивнула и натянуто улыбнулась, в красках представляя, как Ширшикова в адских муках горит на костре.

– Ой, Димась, я только что с репетиции. Когда шла туда, было так тепло, а пошла обратно и чуть не околела. Все-таки осень уже чувствуется.

Ну какая дура! На дворе октябрь, а она только сейчас поняла, что осень! Да в таком проститутском платье не то, что в октябре, в июле замерзнешь!

– А что за репетиция? – поинтересовался Пешков.

– Я же решила участвовать в конкурсе талантов, – гордо призналась Ширшикова.

Ха! Сомневаюсь, что судьи оценят ее талант вешаться на чужих парней.

– И чем будешь удивлять? – спросила я.

– Я спою песню Земфиры "Хочешь?".

Я подавилась соком. Серьезно? Да с ее писклявым голосом нужно петь что-то вроде "А я все летала" из репертуара группы "Блестящие". Ну какая Земфира?

Дима с Яной вопросительно посмотрели на меня.

– Извините, не в то горло пошло, – буркнула я.

– Саша тоже будет участвовать в конкурсе с танцем, – поделился мой спутник.

– Правда? – Ширшикова вскинула брови. – Значит, мы с тобой конкуренты?

Кошмар! Я только сейчас заметила, какие у нее шлюшные брови. Тонкие, искусственно удлиненные карандашом.

– Ага, конкуренты, – кисло отозвалась я.

Остаток вечера напоминал отстойную романтическую комедию, где две девушки соревнуются за внимание парня, а он настолько глуп, что ничего не замечает. Когда я поняла, что Ширшикова основательно расставила свои сети и наедине с Пешковым нам не остаться, я притворилась, что мне срочно нужно домой.

Дима поднялся, чтобы идти вместе со мной, но я была так взбешена его инфантильным поведением, что отказалась от сопровождения, сказав, что дойду сама. Если честно, я рассчитывала, что он скажет что-то вроде: "Я пришел сюда с тобой, уйду отсюда тоже с тобой". Но он лишь пожал плечами и чмокнул меня в щеку на прощанье.

Домой я вернулась взвинченная до предела. Мама работала в комнате, папа гипнотизировал телевизор в зале. Завалившись на кровать, я позвонила Аде и пожаловалась на свой вечер. Подруга отреагировала именно так, как мне хотелось: обругала Пешкова с Ширшиковой и посочувствовала мне.

– Иногда мне кажется, что он влюблен в меня, а иногда создается ощущение, что ему плевать, – грустно сказала я.

– Как говорила моя бабушка, если есть сомнения, нравишься ты парню или нет, значит, ты ему не нравишься.

– Так говорила твоя бабушка или паблик ВКонтакте? – с подозрением уточнила я.

– Не суть. Он мудака, Саш. Брось его.

– Для того, чтобы кого-то бросить, надо как минимум начать встречаться, – вздохнула я.

На следующий день в школе, к моему удивлению, Дима подошел ко мне на перемене и извинился за то, что не проводил.

– Я потом подумал, как-то некрасиво вышло... Я ведь пришел туда с тобой, – сказал он.

– Больше так не делай, – примирительно улыбнулась я.

Пешков был слишком милым, чтобы долго на него злиться. Я была рада, что он сам осознал свою ошибку и извинился. Это ли не признак зрелой личности?

После четвертого урока, выходя из столовой, я заметила толпу ребят у стенда с объявлениями на первом этаже. Мне стало любопытно, и я приблизилась.

– Что там такое? – спросила я у стоящего рядом Булаткина.

– Вся школа стоит на ушах из-за Муслимова и его социальной акции, – пояснил он.

– Что за акция?

– Так как следующий год будет годом благотворительности, Максим предложил проект "Помоги ближнему", в рамках которого школьники будут делать посильные добрые дела.

– Например?

– Ну, типа отличники помогают отстающим одноклассникам в учебе, спортсмены организуют гимнастику для пенсионеров из нашего района. В общем, все те, кто в чем-то преуспел, на безвозмездной основе делятся своими знаниями и навыками с желающими.

Затея была, на первый взгляд, интересной и не лишенной добрых побуждений. Школьников она зацепила, и все увлеченно обсуждали новые способы сделать мир чуточку лучше. Антон сказал, что Максим все подробно расскажет сегодня на собрании Совета старшеклассников. Я не знала, насколько это все будет возможно реализовать на практике, но готова была выслушать.

Аде же идея совсем не понравилась. Этого следовало ожидать, учитывая то, кто был ее инициатором. Редкий день проходил без того, чтобы подруга не критиковала Муслимова. Поводы у нее находились всегда: его манеры, прическа, цвет рубашки, высказывания и даже голос.

В конце заседания Совета старшеклассников Максим, как и обещал, рассказал об акции подробнее. Он хотел внедрить систему взаимопомощи в жизнь нашей школы через специально созданный для этого аккаунт в социальной сети. Предполагалось, что каждый месяц будет формироваться план мероприятий, в рамках которого каждый сможет быть полезным окружающим.

Максим считал эту систему взаимовыгодной, потому что у любого человека есть как сильные, так и слабые стороны. Сильные – повод помогать, а слабые – повод принимать помощь.

– К чему говорить о взаимовыгодности, если это благотворительная акция? – едко поинтересовалась Ада.

– А, по-твоему, всегда должен быть победитель и проигравший? Кто сказал, что в благотворительности не может быть концепции win-win? – парировал он.

– Это только в теории все гладко, а на деле возникнет куча спорных моментов. Как добиться справедливости в распределении оказанной и принятой помощи?

– Все зависит от тебя. Хочешь совершить добрый поступок – совершай. А если ты боишься перетрудиться в деле совершенствования мира, что ж, выбор опять за тобой.

– Но старшекласники сейчас и так загружены выше крыши, а ты хочешь взвалить на нас обязанности целого благотворительного фонда, – протестовала Ада.

– Я считаю, что время для добрых дел можно найти всегда. Я надеюсь на поддержку тех, кто думает так же.

– Я согласна с Максимом, – сказала Алина Юкина. – Волков бояться – в лес не ходить. Мы должны хотя бы попробовать, вдруг из этого выйдет что-то стоящее.

Ада сверкнула злобным взглядом, и завязалась перепалка. Были люди, которые верили в идею Максима и хотели ее реализовать, а были и скептики, разделяющие сомнения Ады. Я не принимала ничью сторону, потому что сама толком не понимала, что думаю на этот счет.

Спустя пятнадцать минут жарких споров Светлана Викторовна нарушила свое молчание, заявив, что раз акция вызывает столько дискуссий, нужно сформулировать идею в понятной и краткой форме, а потом устроить общешкольное голосование. На этом и порешили.

Как всегда, после споров с Максимом Ада брызгала ядом. Даже на следующий день ее настроение не поднялось. В столовой она сидела и громко обсуждала со всеми, кто готов был ее слушать, несуразность идеи Муслимова:

– А знаете, почему он корчит из себя святошу? Потому что хочет заработать себе репутацию защитника народа, прежде чем его папочка начнет толкать его по своим стопам, чтобы все говорили, что Муслимов-младший добился всего сам.

– О чем ты? – спросила у Ады незнакомая мне девчонка.

– О том, что всем известно, кто отец Максима и ради чего затеян весь этот цирк.

– А кто его отец? – поинтересовался парень за соседним столом.

– Его отец – политик, но что это значит? – перебила я открывшую рот подругу.

– Да, его отец политик. И, конечно, Муслимов тоже пойдет в политику. Сейчас собственный имидж стал ему особенно дорог, ведь учеба в школе заканчивается, и начинается взрослая жизнь. Если Максиму удастся протолкнуть этот проект, об этом обязательно черкнут в какой-нибудь городской газетенке и непременно упомянут имя главного деятеля.

– Ты считаешь, что он делает все ради собственных корыстных интересов? – удивленно спросила Алина Юкина.

К диалогу прислушивались все новые и новые люди.

– Конечно! Нахрен мы ему не сдались. Все десять лет школы Максимка жил в свое удовольствие и думать не думал о помощи нуждающимся, а сейчас ему стало очень надо. Типичный политикан, который продвигает свои интересы, прикрываясь благими делами.

– Это всего лишь твое мнение, – сухо заметила я.

Ее неприкрытая агрессия начинала меня раздражать.

– Это не только мое мнение! Это мнение всех, кто хоть немного умеет читать между строк!

– То, что его отец в политике, не является доказательством того, что Максим зарабатывает себе репутацию. А даже если и так, то что в этом плохого? Его затея никому не навредит, только наоборот, – протестовала я.

– Может, и так! Но меня бесит, что он лицемерит, извлекая свой шкурный интерес из своих поступков и действий. А вы и рады развесить уши и провозгласить этого напыщенного петуха героем! – гневно ответила она.

Покачав головой, я бросила взгляд в сторону и, вздрогнув, заметила, что Максим Муслимов, прислонившись к колонне, внимательно слушает, как Ада на всю столовую поливает его грязью. Я не знала, сколько он там простоял и все ли он слышал. Парень смотрел на Аду без злости, но сосредоточенно, слегка прищутив глаза. А она тем временем распалаясь все больше, называя его ханжой, фарисеем и просто засранцем.

Выпучив глаза, я уставилась на подругу, пытаюсь взглядом дать ей понять, что Максим рядом. Однако она была так увлечена своей гневной тирадой, что не заметила моих знаков.

– Ада, остановись. Ада. Ада! Да замолчи ты, наконец! – мне пришлось повысить голос.

Ада недоуменно уставилась на меня. Я метнула взгляд в сторону колонны. Проследив за ним, подруга заметила Максима, быстро отвернулась и начала вилок ковыряться в еде, демонстрируя, что ее монолог закончен.

Вслед за ней остальные ребята тоже увидели Муслимова и стали разбредаться. Через пару секунд Максим поправил рюкзак на плече и, не сказав никому ни слова, покинул столовую.

– Что за цирк ты устроила? – сердилась я на Калинину. – Даже если ты так думаешь, к чему переходить на личности?

– Больно много ты понимаешь, – огрызнулась Ада, отвернувшись от меня.

Честно сказать, в последнее время я перестала узнавать свою подругу в моменты, когда поблизости был Максим или когда речь заходила о нем. Из доброй, веселой и острой на язык девчонки она превращалась в злобную фурию. Я до сих пор не до конца понимала, чего Ада так бесится, но обсуждать это сейчас не хотелось. Ни к чему быку лишний раз напоминать про красную тряпку.

До конца дня мы почти не общались. После школы мы с Булаткиным пошли домой без нее. Я рассказала ему о представлении в столовой, на котором он не присутствовал.

– Удивительно, что Макс вот так ей все спустил, – заметил Антон.

– Да, я тоже ожидала, что он вступит с ней в спор, выскажется в свое оправдание, а он ничего, никакой реакции.

Немного помолчав, Антон неожиданно спросил:

– Саш, как ты думаешь, я симпатичный? Я бы мог понравиться девушке?

– Конечно! – я ласково потрепала его по голове. – Ты что, забыл, что ты моя первая любовь?

– Нет, я серьезно, каковы мои реальные шансы замутить с красивой девчонкой?

– Мы сейчас говорим про красивую девчонку в принципе или про Милославскую? – уточнила я.

– Про Милославскую, – признался Антон.

– Шансы есть всегда, ты же знаешь. Но ты никаких попыток даже не предпринимаешь. Может, стоит начать действовать?

– Я написал ей.

– Что? Когда? – я удивленно вскинула брови.

– Позавчера. Добавился в друзья ВКонтакте и написал. Она отвечала довольно мило, но я чувствую, что не зацепил ее.

– Пригласи ее куда-нибудь.

– Не могу, у нас не такое общение. Пока мы просто выяснили, что мы из одной школы и что она очень красивая.

Я вздохнула. Объективно Булаткин был симпатичным парнем. Высокий, спортивный, статный. Но в душе он был больше мальчиком, чем мужчиной. Ему не хватало дерзости и

самоуверенности, которые делают привлекательными даже далеко не самых красивых мужчин. В вопросах любви Антон был робким, бесхитростным и слишком много думал.

– Может, стоит сменить тактику? Сделай что-нибудь неожиданное, сорви шаблон. Например, иди к ее дому и напиши что-то вроде: "Стою у твоего подъезда, у меня два мороженных. Выходи, угощаю".

– А если она выйдет? – испуганно спросил Антон.

– Ну, на это и расчет. Погуляете. При личном общении всегда проще зацепить, чем по переписке.

– Ну, не знаю. Что-то я пока не готов, – с сомнением произнес Булаткин. – Наверняка все парни в школе мечтают вот так погулять с ней.

– Все парни в школе? Значит, по-твоему, со мной погулять никто не мечтает? – наигранно обиделась я.

Антон рассмеялся и примирительно обнял меня за плечи.

Глава 4

Тем временем с каждым днем конкурс талантов становился все ближе и ближе. Последнюю неделю мы с Мишей репетировали через день. Номер получился отличный. Живой, красивый и зажигательный.

Специально для выступления я взяла напрокат платье для бальных танцев. Красное, обтягивающее, обшито стразами и пайетками. Для обычной жизни перебор, но для сцены – идеально. Для Миши мы выбрали свободные черные брюки и белую классическую рубашку.

Конкурс должен был состояться в среду, и я очень хотела выиграть. Во-первых, для собственного удовлетворения. Во-вторых, из-за денег, которые хотела отложить на ламинирование волос. И, в-третьих, чтобы утереть нос стерве Ширшиковой.

Чем больше мы общались с Димой, тем больше она к нему липла. Вертелась рядом на переменах, не пропускала вечеров в парке, когда он с друзьями катался на скейтах, а один раз даже позвонила ему в момент, когда мы целовались.

Самым неприятным во всей этой истории было то, что Дима не считал ее поведение назойливым. Его добродушие и открытость в случае с Ширшиковой меня раздражали. Он с удовольствием слушал ее глупые разговоры и не выражал ни малейшего недовольства по поводу ее надоедливости.

Пешков вообще со всеми держался дружелюбно и приветливо. Я бы не удивилась, если бы узнала, что у него никогда не было врагов. Любые конфликтные ситуации, возникающие между нами, он переводил в шутку, так что почти за полтора месяца общения мы ни разу не ссорились.

Конечно, были моменты, которые меня не устраивали, но я не хотела казаться вздорной и скандальной, поэтому помалкивала. Например, в случае с Яной. У меня так и чесался язык сказать какую-то колкость в ее адрес, но я сдерживалась.

В среду, перед конкурсом, мне было тяжело сосредоточиться на уроках. Однако по закону подлости учителя дали аж две самостоятельных: по алгебре и по химии. Моей стихией были гуманитарные науки и языки, а вот алгебру и химию я не любила.

С трудом дождавшись окончания занятий, я занесла в актовый зал свое платье для выступления и пошла в столовую перекусить. До конкурса оставался еще час, и нужно было запастись энергией.

В столовой было на удивление мало народу. Я купила себе две пиццы и компот. Одну рассчитывала съесть сейчас, а вторую после конкурса. Физические нагрузки и волнение всегда вызывали у меня зверский аппетит.

Я уселась за первый попавшийся стол и стала есть. Пицца была свежая, и я уплетала ее за обе щеки. Когда я ела одна, всегда набивала полный рот, а иногда даже подталкивала еду пальцами, если она не помещалась. Не знаю, почему, но мне так казалось вкуснее.

Мама всегда ругала меня за это, говоря, что я ем, как поросенок, а не как девушка, и со временем я стала контролировать себя на людях. Но сейчас в столовой было всего пару человек, так что вряд ли кто-то обратит внимание на мои манеры.

Неожиданно прямо надо мной раздался низкий хрипловатый голос:

– У тебя размена не будет?

Я подняла глаза. Передо мной стоял тот самый парень, про которого мне говорила Ада. Солист группы "Абракадабра". Кажется, Влад. Он протягивал пятисотрублевую купюру и вопросительно смотрел на меня.

Огромное количество пиццы, перемешанное со слюнями во рту, не давало мне ни малейшей возможности ответить. Я сделала жест, чтобы он подождал, и стала усиленно пережевывать еду. Ее было так много, что мне с трудом удавалось делать это с закрытым ртом.

Все это время Влад пристально наблюдал за мной, снисходительно улыбаясь уголком губ. Вблизи он оказался еще красивее. Шоколадные глаза под густыми ресницами, смуглая гладкая кожа и небрежно лежащие чуть выющиеся волосы делали его неотразимым. Наконец, расправившись с пиццей, я сделала глоток и уточнила:

– Разменять надо?

– Да, у буфетчицы нет сдачи, – ответил он.

Я полезла в сумку за кошельком. Почему-то под взглядом этого парня я чувствовала себя неуклюжей.

Получив размен, Влад поблагодарил меня и, уходя, с улыбкой бросил:

– Классно, когда у девушки здоровый аппетит.

Я покраснела. Хотела объяснить, что вторая пицца на потом, но он уже стоял у прилавка. Буфетчица завернула ему пирожки с собой, и он покинул столовую.

Когда я вошла в актовый зал, повсюду суетились школьники и раздавались властные команды Светланы Викторовны. Я повесила свое платье на передвижную вешалку вместе с костюмами других участников, приклеила на него лист со своей фамилией, и Алина Юкина укатила вешалку в гримерку.

Неподалеку я заметила Яну Ширшикову. Она с неприязнью смотрела на меня, но когда наши взгляды пересеклись, натянуто улыбнулась. Я ответила тем же.

Гостей и судей в актовом зале пока не было, только организаторы и участники. Повсюду ребята репетировали номера и готовились к выступлению. Заняв свободный стул, я достала из сумки косметичку и начала краситься. Для сцены нужен был более броский макияж. Я подвела глаза, обильно нанесла румяна и достала красную помаду для губ.

– Ну что, Саш, готова? – раздался за спиной голос Яны.

– Я всегда готова, – холодно ответила я.

– Да? А я бы на твоём месте волновалась.

В её голосе я различила новые нотки. Что это? Угроза?

– В смысле? – я повернулась к ней.

– Ну, в смысле, что у тебя же парный танец. Надо не только за себя отвечать, но и за партнера, – беспечно отозвалась она. Незнакомые нотки исчезли.

– Я в партнере уверена как в себе. В танце мы – одно целое.

– Здорово ощущать себя одним целым с кем-то. С Димой у вас так же?

Она буравила меня взглядом, в котором читалась зависть.

– Возможно, близко к этому, – спокойно ответила я, выдерживая её взгляд.

Я соврала. Конечно, мы с Пешковым не были одним целым. Мы встречались-то без году неделю. И вообще не факт, что встречались. Дима никогда не называл меня своей девушкой. Но Яне это было знать необязательно.

Одарив меня очередной неестественной улыбкой, Ширшикова развернулась и пошла прочь. Я докрасила губы и направилась встречать Мишу. У моего партнера настрой был боевой.

– Ну что, Алферова, решила, куда потратишь свою половину выигрыша? – поинтересовался он.

– На процедуру для волос. А ты?

– А я на Соньку (*Sony PlayStation* – Прим. автора) коплю.

– Круто! Много еще копить осталось?

– К Новому году, надеюсь, смогу купить, – Миша подмигнул мне.

Наконец все приготовления к конкурсу завершились, и в актовом зале стали запускать гостей. Наш танец был десятым в очереди, а значит, в гримерку мы могли пойти только после седьмого номера. Таким образом, на переодевание у нас оставалось не больше пяти-шести минут.

Всего намечалось двадцать два выступления, так что шанс выиграть был вполне реальный. Мы с Мишей расположились в зале. Рядом уселись Ада и Антон, которые активно поддерживали нас.

Чуть позже подошел Пешков и, чмокнув меня в щеку, пожелал удачи. Свободных мест рядом с нами не оказалось, поэтому он направился в конец зала.

Судьями были назначены директор школы Николай Львович, завуч по воспитательной работе Светлана Викторовна, школьный хореограф Эльвира Анасовна, учитель музыки Сафрон Никитич и какая-то незнакомая женщина из Министерства Образования.

Сегодня в конкурсе участвовали ребята с девятого по одиннадцатый класс. У младшего и среднего звена он проходил в другие дни – отдельно.

Конкурсные номера были разные: кто-то читал стихи, кто-то пел, кто-то показывал сценки. Кирилл Самохин и вовсе выступил со стендап монологом. Хотя до Камеди Клуб ему было далеко, но все равно получилось довольно смешно. Правда некоторые шутки были на грани приличия, так что я подозревала, что судьи могут снять ему за это баллы.

Ширшикова была шестой. Я с раздражением отметила, что поет она гораздо лучше, чем я ожидала. Ее голос хоть и не был очень сильным, но все же вытягивал ноты. Я обернулась на Пешкова, он с улыбкой смотрел на Яну, покачивая головой в такт ее песне. На душе стало неприятно, однако решительности у меня от этого не убавилось.

Когда наступил наш черед идти в гримерку, мы с Мишей проворно пробрались между рядами и вышли из зала. Сначала я помогла партнеру надеть бабочку, а затем принялась одеваться сама. Я аккуратно достала платье из чехла, и на секунду оно показалось мне колючим. "Давно я не носила одежду с таким количеством страз и пайеток," – подумала я.

Спрятавшись за ширмой, я начала переодеваться и вновь отметила, что платье сильно колется. Странно, когда я мерила его в прокате, а потом дома, ничего такого не заметила. Натянув наряд, я попросила Мишу застегнуть молнию сзади.

– Слушай, Саш, у тебя вся спина красная, – удивленно сказал он.

– Наверно, от волнения, – пожал плечами я.

Я подошла к двери, ведущей на сцену, и прислушалась. Там ребята из 10 "В" разыгрывали юмористическую сценку. Значит, мы с Мишей следующие.

Внезапно я ощутила ужасный дискомфорт во всем теле. Платье не просто кололось, оно резало мне кожу. Я подошла к зеркалу и отогнула ворот: кожа действительно была очень красная и вдобавок ко всему страшно чесалась. Я не понимала, в чем дело. Раньше у меня никогда не было аллергических реакций на одежду. Что же это такое?

За дверью послышались аплодисменты. Я поправила платье, решив, что выдержу каких-то три минуты, а потом быстро сниму его.

Мы с Мишей приготовились. По задумке сначала выходил он, танцевал короткое соло, а потом к парню присоединялась я.

Заиграла музыка, и Миша сделала шаг на сцену. Танцевал он безупречно, даже лучше, чем на репетициях. Правда это я отметила бессознательно, потому что мое сознание было поглощено ужасным зудом по всему телу.

Когда настал мой черед появляться на сцене, я старалась двигаться грациозно и уверенно, но у меня это едва получалось. Зуд стал сопровождаться режью и сделался совсем невыносимым. Каждое движение давалось с трудом и причиняло боль. Все мои силы уходили на поддержание улыбки на лице, но мне казалось, что она выходит какой-то вымученной.

Я заметила, что прикосновения ко мне доставляют Мише дискомфорт. Он, как и я, чувствовал, что с этим проклятым платьем что-то не то. Мы уже исполнили две трети танца, когда меня пронзило острое ощущение, будто тысячи острых ножей впиваются мне в кожу.

Следующим элементом в танце была поддержка. Я разбежалась и подпрыгнула, так чтобы Миша поймал меня. Когда его руки обхватили мою талию, я застонала и дернулась. Миша не смог удержать меня, и мы вдвоем нелепо повалились на пол.

В другой ситуации после падения, я бы сделала невозмутимое лицо и продолжила номер, но сейчас на это не было сил. Я посмотрела на Мишу, и по моему взгляду он все понял. Поднялся на ноги и протянул мне руку. Ухватившись за нее, я с трудом поднялась и поковыляла обратно за кулисы.

Оказавшись в гримерке, я истошно завопила:

– Сними его с меня! Сними!

Миша подскочил ко мне, пытаясь расстегнуть чертово платье. Я заметила, что обе его ладони красные и в мелких царапинах. Миша все возился с молнией, а мне уже казалось, что я начинаю задыхаться.

Внезапно в гримерку влетели Ада с Антоном. Лица у обоих были озабоченные.

– Помогите! – крикнула я. По щекам текли слезы.

Не сказав ни слова, Антон подошел ко мне, и они вместе с Мишей разорвали платье со спины. Я быстро скинула его с себя, оказавшись в одном нижнем белье.

При взгляде на меня Ада с ужасом приложила ладонь ко рту. Я подошла к зеркалу, и то, что я увидела, не на шутку меня напугало. Все тело было красное, воспаленное, в мелких порезах, из которых подтекала кровь. Когда я сняла платье, стало легче, но кожа по-прежнему зудела.

– Что это за хрень? – заорал Миша, с отвращением разглядывая лежащий на полу наряд.

Ребята, находящиеся в гримерке и готовящиеся к своим выступлениям, с ужасом и непониманием переводили взгляд с меня на мое злосчастное одеяние и обратно. Антон нагнулся над платьем и пару секунд всматривался в него.

– Стекловата, – вынес он свой вердикт.

– Что? Какая еще стекловата? – не поняла я.

– Приглядишься сама.

Я нагнулась и увидела, что все платье покрыто мелкими стеклянными иголками. Они-то и резали мою кожу.

– Сильно зудит? – обеспокоенно поинтересовался Антон.

– Очень, – призналась я.

– Самое главное – не чешись. Тебе срочно надо в душ, смыть эту дрянь. А ты, Миш, иди мой руки, только не три, сначала смой все стекло под струей, а потом уже мылом.

Ада вызвала такси, накрыла меня какой-то простыней и вывела из школы. Сполоснув руки, Антон присоединился к нам.

Оказавшись дома, я залезла под холодный душ. Друзья ждали меня в комнате. Следуя инструкциям Антона, я сначала смыла с тела осколки, потом обсохла. Потом проделала то же самое. В третий раз я уже мылась с мылом и мочалкой. Затем я позвала Аду, и она помогла мне намазаться кремом. После проделанных процедур боль существенно уменьшилась, однако тело по-прежнему чесалось.

Накинув халат, я вошла в комнату и присела на кровать рядом с Антоном.

– Лучше? – поинтересовался он.

– Да. Спасибо. Откуда ты все знаешь про стеклолату? – поинтересовалась я.

– Мы когда дачу строили, использовали ее в качестве утеплителя, – пояснил он. – Я тогда мелкий был, все хотел рабочим помочь, быть полезным. Ну, и начал эту стеклолату хватать голыми руками. Потом, сама понимаешь, жуткий зуд был. На всю жизнь запомнил.

– У меня только один вопрос, – подала голос Ада. – Что делала стекловата на Сашином платье, да еще и в таком количестве?

– Кто-то сделал это намеренно, чтобы навредить ей. Других вариантов быть не может, – ответил Антон.

В комнате повисло молчание.

– Это Ширшикова, – тихо сказала я.

– Но зачем ей это нужно? Из-за Пешкова? – Ада расхаживала по комнате из стороны в сторону.

– Скорее всего. Она сегодня ко мне подошла и как-то странно сказала: "На твоём месте я бы волновалась". Потом, конечно, добавила, мол, это потому, что с партнером выступать тяжелее и все такое, но теперь я понимаю, о чем она говорила.

– Вот сучка! – гневно воскликнула Ада. – Теперь ты просто обязана выйти за Пешкова замуж, чтобы эта стерва выкусила!

– Саш, неужели ты думаешь, что она способна на такую подлость из-за парня? – Антон не верил своим ушам.

– А почему нет? – ответила за меня Ада. – Ширшикова – та еще лицемерная дрянь. Помните, как она про Макарову гадости рассказывала? Та потом рыдала в туалете, когда все узнала. А ведь они подругами были. Ширшикова из категории людей, которые улыбаются тебе в лицо, но стоит повернуться к ним спиной, и ты рискуешь получить нож между лопаток.

– Вот я свой нож и получила, – невесело усмехнулась я.

Теперь я понимала, что недооценивала Яну и ее хищную натуру. Она не просто пыталась отбить у меня Пешкова, а устроила настоящую физическую расправу! И по-прежнему придерживалась своего стиля делать гадости за спиной.

Ширшикова оказалась вовсе не такой глупой, какой виделась мне вначале. Яна знала, что доказать ее причастность к произошедшему невозможно, но все же намекнула мне, что стоит волноваться. Таким образом, о ее низком поступке знала я, но не знали остальные.

– Что будем делать? – спросила Ада.

– Может, сказать ей прямо, что ты в курсе ее проделок? – предложил Антон.

– А толку? Лицом к лицу она все будет отрицать, – заявила Калинина.

Я была согласна с подругой. Я могла бы пойти с ней в открытую конфронтацию, рассказать Пешкову о ее поступке. Но чего бы я этим добилась? Дима, скорее всего, мне не поверит, ведь он даже не догадывается, как мы друг к другу относимся.

Единственное, что мне оставалось, это влюбить в себя Пешкова, тем самым заставив Ширшикову признать свое поражение. Однако и это представлялось мне не такой уж простой задачей. Мы с друзьями поразмышляли на эту тему еще минут сорок, а потом они пошли по домам.

Конечно, конкурс талантов мы не выиграли. К счастью, Ширшикова победителем тоже не стала. Первое место заняли ребята из девятого класса с небольшой театральной постановкой.

Родителям я ничего рассказывать не стала. Мама пришла бы в ужас и побежала бы в школу жаловаться. А это, знаете ли, лишние нервы и зря потраченное время.

Когда она спросила о конкурсе, я сказала, что мы с Мишей завалили поддержку и из-за этого проиграли. Мама, как всегда, стала успокаивать и поддерживать меня, обещая, что в следующий раз я обязательно стану победителем. Папа о конкурсе, наверно, даже и не знал. Так что рассказывать ему о результатах я не стала.

На следующий день в школе все справлились о моем самочувствии. Светлана Викторна, узнав, что произошло, рвала и метала, но, как найти виновного, не знала. Пешков тоже всячески проявлял участие, а после уроков вызвался проводить меня до дома.

– Что вчера произошло? Мне показалось, тебе было плохо, – с беспокойством заявил он.

Я прямо рассказала ему про стекловату и про мучения, которые испытала. Дима был в шоке. Долго жалел меня, а потом спросил:

– Но кто это мог сделать?

– Тот, кто меня ненавидит.

– У тебя есть предположения?

– Да.

– И кто? – глаза Пешкова выражали любопытство.

– Если скажу, ты не поверишь.

– Да брось, с чего мне тебе не верить?

– Потому что ты знаешь этого человека и общаешься с ним.

Дима выглядел растерянным.

– Я не понимаю, – озадаченно произнес он. – Кто это может быть?

Я испытующе смотрела на Пешкова, не зная, стоит ли говорить ему правду.

– Саш, ты можешь мне довериться. Честно.

– Это Яна, – я не могла устоять перед взглядом его чарующих голубых глаз.

– Яна? Ширшикова? – он не поверил ушам.

Я кивнула.

– Но с чего ты это взяла? Почему решила, что это она?

– У нас с ней давно взаимная неприязнь, – коротко пояснила я.

Пешков все не унимался. Он допытывался у меня, зачем Яне это делать, и отказывался верить в ее виновность.

– Потому что ты ей нравишься! Может, она даже влюблена в тебя! – наконец не выдержала я. – Она ревнует тебя ко мне, поэтому и подложила свинью!

– Мы с Яной давнишние друзья! Она не влюблена в меня! Это абсурд!

Видя его реакцию, я пожалела, что рассказала правду. Дима явно не был к ней готов. Он мне не верил.

– Ладно. Ты спросил, я ответила, – вздохнула я. – Верить или нет – твое дело.

Мы попытались сменить тему, но разговор не клеился. Дойдя до моего подъезда, Пешков чмокнул меня в губы и попрощался. Более прохладно, чем обычно.

Глава 5

Иногда мне кажется, что Интернет лишь усложняет человеческие взаимоотношения. Бесит каждые пять минут заходить в социальные сети в надежде, что произойдет какое-то чудо. Сколько времени и нервов за свои шестнадцать лет я потратила на ожидание заветных сообщений? Страшно подумать.

Несмотря на то, что раньше люди ждали письма неделями, они чувствовали себя психологически комфортнее, потому что понимали, что именно столько времени нужно почте, чтобы доставить их. А сейчас ожидание ответа более нескольких минут превращалось в пытку, особенно если видно, что твое сообщение "прочитано".

Пешков не звонил и не писал несколько дней. Все это время я грызла себя за то, что наивно доверилась ему. В конце концов с Яной он был знаком гораздо дольше. В школе мы пересекались, но дальше приветствий дело не заходило.

Ада тоже ругала меня за опрометчивое поведение.

– Как говорила моя бабушка, мужчины примитивны, как дети. С парнями нельзя действовать вот так напрямую, нужно быть хитрее. Интриги – это женское изобретение для манипуляции сильным полом, – поучительным тоном говорила она.

Для моей подруги бабушка была главным и непоколебимым авторитетом. Когда пару лет назад она умерла, Ада была сама не своя целый месяц. Елизавета Петровна, так звали ее бабушку по отцовской линии, была женщиной принципиальной и твердо придерживалась своих взглядов, которые и передала любимой внучке.

На выходных мои родители собирались ехать на дачу, а мне в кои-то веки удалось отвертеться от поездки. Я не любила копаться в земле, полоть, поливать и ухаживать за грядками. Никогда не понимала, зачем люди тратят средства, покупая дачи, а потом впахивают на них, как проклятые. Ведь денег, потраченных на приобретение земельного участка и постройку дома, хватило бы на тонны картошки, капусты и других овощей, которые они там выращивают.

Воспользовавшись отсутствием родителей, я решила позвать к себе Аду с ночевкой, а днем впервые пригласила в гости Пешкова. Переступив гордость, я первая позвонила ему и предложила прийти ко мне часа в четыре в субботу. Казалось, он был рад меня слышать и легко согласился.

Я вычистила квартиру до блеска, купила фрукты и стала думать, что надеть. Так как мы просто собирались посидеть дома, то облачаться во что-то нарядное было бы глупо. Но предстать перед Димой в своей растянутой домашней футболке с Микки Маусом я была не готова. В итоге я остановила выбор на легких джинсах и клетчатой рубашке, щедро побрызгала себя мамиными дорожными духами Dior и распустила волосы.

Пешков пришел не с пустыми руками, принес тортик к чаю. Я быстро провела экскурсию по нашей трехкомнатной квартире и затащила его к себе в комнату. Дима с любопытством оглядывал мою территорию.

Голубые обои, фосфорные звезды, приклеенные к потолку, чтобы ночью создавалось ощущение, будто лежишь под открытым небом, кровать с девчачьим розовым покрывалом, плюшевый медведь и заваленный книгами рабочий стол – интересно, какие выводы он мог сделать обо мне по моей спальне?

– У тебя мило, – улыбнулся Дима, присаживаясь на край кровати.

– Спасибо. Будешь колу?

– Да, давай.

Я налила газировку в стакан и передала Пешкову. Мы полусидя расположились на кровати, пили и болтали. Конкурс талантов и Ширшикову не обсуждали намеренно, тактично делая вид, что непонимания на этой почве у нас не было.

Поначалу я немного нервничала, но постепенно почувствовала себя более расслабленно. Через какое-то время я предложила посмотреть фильм. Что-то про дни лета. Я скачала первую попавшуюся романтическую комедию, потому что сомневалась, что рядом с Пешковым у меня получится сосредоточиться на сюжете.

Сначала я более менее улавливала происходящее на экране, но через минут десять после начала фильма Дима начал легонько поглаживать меня по руке от запястья к локтю и обратно. Тело мгновенно покрылось мурашками, но я не шевельнулась. Продолжая водить пальцами по моей коже, Пешков придвинулся ближе.

– Ты вкусно пахнешь, – раздался его приглушенный голос.

Дима поцеловал меня в шею, едва касаясь губами кожи. Я прикрыла веки. Его рука мягко коснулась моего колена и неторопливо стала подниматься вверх. Я слегка повернула голову, и его лицо оказалась прямо передо мной.

Буквально в паре сантиметров от себя я увидела голубые глаза и почувствовала его яблочное дыхание. Дима медленно коснулся своими губами моих. Его рука, скользящая по моему телу, наткнулась на неприкрытую одеждой полоску кожи. На долю секунды парень замер, а затем его рука нырнула мне под рубашку.

Я вздрогнула и, машинально перехватив ладонь Пешкова, положила ее обратно себе на колено. Я почувствовала, как его рот изогнулся в улыбке, но своих губ он от меня не отнял, а наоборот, придвинулся еще чуть ближе. Я ответила на его поцелуй и растворилась в нем. К счастью, Дима больше не предпринимал попыток дотянуться до моих запретных зон, и остаток времени мы просто целовались, наслаждаясь друг другом.

Это были самые романтические часы в моей жизни. Пешков был таким нежным и ласковым, что сомнений в том, что мы серьезно продвинулись вперед в наших отношениях, не оставалось. Он рассказывал мне о детстве, о трудностях в отношениях с родственниками, о том, что они не поддерживают его увлечение, считая это пустой тратой времени. Жаловался на то, что любовь его родителей очень условна, что они постоянно ждут от него чего-то выдающегося, а он не оправдывает их ожиданий.

– Мой отец закончил школу с золотой медалью, а институт с красным дипломом. Он вечно говорит, что дети должны быть лучше родителей, чтобы человечество эволюционировало. Но я не лучше его, и папу это очень расстраивает.

– Иногда родители бывают просто невыносимы в своем стремлении к совершенству, – вздохнула я.

Из-за столь доверительных разговоров Ширшикова стала казаться мне лишь неприятным воспоминанием. Я думала, что после такого головокружительного вечера с Димой она больше не будет представлять мне угрозу. Ведь между мной и Пешковым теперь образовалась какая-то невидимая связь.

– Сегодня Шаров устраивает флэт. Пойдешь со мной? – неожиданно предложил Дима в конце вечера.

– Флэт – это вписка по-русски? – уточнила я.

– Да, пошли, будет весело.

Конечно, мне очень хотелось пойти с Пешковым, но Ада должна была прийти ко мне через час, и отменять с ней встречу было бы некрасиво.

– А кто там будет? – поинтересовалась я.

– В основном пацаны из нашей компании, – непринужденно ответил он.

– Я уже позвала Аду с ночевкой, мы договорились есть чипсы и смотреть "Теорию большого взрыва", – нехотя отказалась я.

– Обожаю Шелдона, – усмехнулся Дима. – Что ж, ладно, может, завтра посидим где-нибудь ближе к вечеру?

– Хорошо, – с радостью согласилась я.

На прощанье он одарил меня долгим и страстным поцелуем. Я была на седьмом небе от счастья и остаток вечера в подробностях рассказывала Аде о проведенном с Пешковым времени. Подруга слушала довольно сдержанно и моих восторгов не разделяла. Дима ей не очень нравился. Она считала его инфантильным и бесхарактерным.

Ада вообще была сурова по отношению к представителям мужского пола. Слишком напористых и самоуверенных ребят она считала наглыми засранцами, а мягких и застенчивых парней – скучными.

На моей памяти ей лишь однажды сильно нравился парень. Это случилось в восьмом классе, мы познакомились с ним, когда только пришли в "Экстру". Вадим Киреев вел у нас тренировки, и на тот момент ему было лет двадцать.

Конечно, все девчонки влюбились в него, ведь он был взрослым, красивым и круто двигался. Ада была его любимой ученицей, он часто хвалил ее, и она искренне верила, что когда-нибудь они будут вместе.

Все закончилось тем, что Вадим женился на девушке, которая занимала должность администратора в "Экстре". Ада болезненно переживала крушение своих мечтаний и с тех пор больше не испытывала столь сильных чувств. Конечно, за эти годы она пару раз встречалась с парнями, но больше от скуки, и через пару недель отшивала их без капли сожаления.

Наша ночевка прошла на ура. Мы объелись чипсами настолько, что больше не могли их видеть, посмотрели почти целый сезон "Теории большого взрыва" и легли спать ближе к двум часам ночи.

В обед Ада отправилась домой, а я решила немного прибраться. Выкинув фантики и пустые бутылки из-под газировки, я села за стол, чтобы сделать уроки на понедельник, но прежде по привычке залезла в Инстаграм. Листая ленту, я посмотрела пару танцевальных видео американских хореографов и с улыбкой прочитала философский пост Булаткина:

Гони друзей, что предали однажды!

Кто предал раз, предаст тебя и дважды.

И не ищи любовь, где нет ответов.

В любви есть двое – нет других сюжетов.

В социальных сетях Антон корчил из себя великого мыслителя, размещая меткие четверостишия и рассуждая на темы смысла жизни, отношений и психологии человеческого поведения. Меня очень забавляли его заумные и немного пафосные тексты, потому что в жизни он вообще не был философом. Видимо, в Инстаграм хозяйничало его сильно перегруженное интеллектом альтер-эго.

Проводя большим пальцем по экрану телефона, я наткнулась на фото Пети Шарова с его вчерашней вписки. Он выложил в карусель десять фотографий, от просмотра которых у меня внутри что-то оборвалось.

Я с ужасом листала снимки, на которых то Яна сидела на коленях у Пешкова, то Пешков держал свои руки у нее на заднице. Фотографии передавали атмосферу безудержного веселья. Видны были бутылки пива и алкоголя покрепче, упаковки от чипсов и прочие атрибуты домашней вечеринки.

В горле встал ком, а в глазах защипало от слез. Ну какая же я дура! Раздула Бог знает что из наших с Пешковым отношений, а отношений-то, получается, нет и не было. У меня в голове вновь всплыла фраза бабушки Ады: "Если есть сомнения, нравишься ты парню или нет, значит, ты ему не нравишься".

Я со злостью швырнула телефон на кровать и закрыла лицо руками. Какая же все-таки Ширшикова стерва! А я-то думала, что после нашего романтического вечера Пешков будет

только моим. Разбежалась. Ненависть, злорада и отчаяние прожигали мою душу. Как же он мог так со мной поступить?

Весь остаток дня я не могла ни на чем сосредоточиться. Пыталась заняться домашкой, но каждую минуту мысленно возвращалась к фотографиям Пешкова в обнимку с Яной. Будь они неладны!

Часов в шесть приехали родители. Судя по их виду, у них день тоже не задался. Они были какие-то молчаливые и хмурые. Я спросила у мамы, в чем дело, а она сказала, что просто устала на огороде. У меня на душе было так погано, что вдаваться в подробности я не стала.

Пешков звонил мне несколько раз, но я не брала трубку. Часов в девять вечера я решила лечь спать мне хотелось сделать все, чтобы этот ужасный день поскорее закончился. Я уже была в постели, когда тишину комнаты нарушил звук нового сообщения на телефоне.

Я протянула руку за мобильником: смс от Пешкова. Пару секунду я покрутила телефон в руке, не желая, чтобы его послание сразу же отметилось как прочитанное, но нервозность взяла верх, и я открыла сообщение:

– Привет, детка. Куда пропала? Как дела?

Вот сучок! Пишет так, будто это не он лапал другую накануне вечером. Злость с новой силой захлестнула меня. Я хотела ничего не отвечать, но не удержалась и написала:

– Уже сплю.

– Так рано? Ты нормально себя чувствуешь?

– Нормально!

– Вижу, ты не в духе. Спокойной ночи, завтра наберу тебя.

– Можешь не утруждаться!

– В чем дело?

С одной стороны, моя женская гордость подсказывала мне, что после такой выходки надо засунуть Пешкова в игнор, тем самым дав понять, что такое отношение ко мне неприемлемо. Но с другой стороны, я просто горела желанием высказать ему все и, наконец, расставить все точки над і. Я понимала, что делать это по переписке бессмысленно. В этот момент я хотела видеть его бесстыжие голубые глаза.

Сделав глубокий вдох, я постаралась взять себя в руки и набрала сообщение:

– Все нормально. Завтра созвонимся.

– Ок, сладких снов, целую.

Я отложила телефон и закрыла глаза. Ну почему, почему я не могу выкинуть его из головы? Сколько раз я еще должна обжечься, чтобы понять, что нам с ним не по пути?

Так, занимаясь самобичеванием, я погрузилась в сон.

На следующий день Пешков не заставил себя долго ждать и позвонил сразу после уроков.

– Привет, детка! – раздался его голос в трубке.

– Привет, – кисло отозвалась я.

– Собирайся, через минут двадцать буду у твоего дома, сходим в киношку или кафешку?

– Хорошо, – холодно отозвалась я.

Я подошла к зеркалу, чтобы расчесать длинные золотистые волосы и вспомнила, с каким трепетом я красилась и собиралась для встречи с Димой еще позавчера. Сколько радости и предвкушения было во мне. А сейчас моими чувствами были горечь, апатия и, конечно, злость. Типичные спутники нездоровых отношений.

Я натянула джинсы и футболку с надписью "Kill 'Em All". Очень символично, по-моему. Надела куртку, засунула ноги в кроссовки и вышла из дома.

Дима сидел на качелях напротив моего подъезда. Увидев меня, он поднялся и пошел навстречу. Я очень хотела его ненавидеть, но сердце предательски ускорило. Он нагнулся и чмокнул меня в губы. Я не ответила на поцелуй.

– Как ты? Посидим в "Облепихе"? – спросил он.

– Давай, – равнодушно пожала плечами я.

До "Облепихи" мы шли молча. Странно, но ни у кого из нас не возникло желания разговаривать.

В кафе было светло и пахло выпечкой. Мы сняли верхнюю одежду и заняли столик у окна.

Дима нервно оглядывался по сторонам. Казалось, ему неудобно. Я откинулась на спинку диванчика и уперлась в него немигающим взглядом.

– Классная футболка, – с улыбкой начал он, стараясь разрядить атмосферу.

– Ага, – произнесла я, по-прежнему глядя на него в упор.

– Саш, в чем дело? Ты какая-то напряженная. Злишься на что-то?

– А есть из-за чего?

– Эм... Я не знаю, – в замешательстве произнес он.

– Я видела фотки с вписки у Шарова, – отчеканила я, внимательно наблюдая за его реакцией.

Я ожидала увидеть смятение, смущение, может, даже страх.

Какое-то время его лицо ничего не выражало, а затем он непонимающе пожал плечами и спросил:

– И что?

– И что?! – мой голос сорвался на визг. – Я видела тебя с Ширшиковой, видела, как вы обнимались, как она сидела у тебя на коленях! И это спустя несколько часов после того, что было между нами у меня дома!

Я с ужасом наблюдала пустоту в его голубых глазах. Нет, он и близко не испытывал ко мне того, что чувствовала к нему я.

– Саш, а что, собственно, произошло у тебя дома? Мы целовались и обнимались, нам было хорошо. Но я не понимаю, из-за чего сейчас эта драма?

Я начала задыхаться. Мне не хватало воздуха, чтобы ответить ему. В этот момент к нам подошла официантка и беспечно поинтересовалась, что мы будем заказывать.

– Дайте нам еще пару минут, – натянуто улыбнулся ей Дима.

– Для тебя все это ровным счетом ничего не значит? – тихо спросила я.

– Я не понимаю тебя, Саш, честно, – устало проговорил он, запуская руку в волосы. – Конечно, ты нравишься мне, даже очень, но Яна тоже моя подруга. Почему я не могу с ней общаться?

Я похолодела. Тоже подруга. Яна тоже его подруга. Такая же, как я.

– То есть по твоему определению мы просто друзья? – уточнила я.

– Обязательно давать всему определения?

– Нет, необязательно, – вздохнула я. – Все и так понятно. Мы просто развлекались, а об эксклюзивности никто не договаривался. Усекла.

– У меня с ней ничего не было. Я же с ней не спал, – медленно проговорил он.

– Впрочем, как и со мной. Ты просто дружишь с нами обеими.

Дима прикрыл глаза. По его лицу было видно, что он устал от этого разговора. В эту секунду меня пронзило осознание: неважно, что я сейчас скажу или сделаю. Это ничего не изменит. Я могла продолжать стучать головой о стену, пытаюсь заставить его полюбить меня, а могла прекратить свое мучение и постараться жить дальше.

– Ладно, Дим, я рада, что мы все выяснили. Удачи.

Я вышла из-за стола и направилась к выходу, на ходу натягивая куртку. Он меня не остановил.

Глава 6

Оказавшись на улице, я жадно глотала воздух. Быстрым шагом направляясь к дому, чувствовала, что вот-вот разревусь. В те секунды я мечтала вырезать Пешкова и эту дрянь Ширикову из своих воспоминаний.

Всю неделю я пыталась отвлечься от неприятных мыслей, поэтому стала усерднее заниматься английским. Ширикова ходила по школе с гордо поднятой головой. Мне так хотелось ей врезать, но я понимала, что Пешков того не стоит.

Правда один раз, не сдержавшись, я с силой зарядила ей сменной обувью по голове, якобы случайно. Яна подняла на меня взгляд, полный ненависти, но я, быстро извинившись, убежала из раздевалки.

Антон с Адой убеждали меня, что я должна радоваться тому, что Пешков показал свое истинное лицо сейчас, когда отношения между нами не зашли слишком далеко. Кстати, с ним в школе я даже не здоровалась. В нашу первую встречу после ссоры он улыбнулся и поприветствовал меня, а я с каменным лицом прошла мимо. После этого он тоже делал вид, что мы не знакомы.

В пятницу состоялось очередное собрание Совета старшеклассников. Народу было больше, чем обычно, потому что планировали обсуждать предстоящее новогоднее мероприятие. Пришли не только участники Совета, но и все, кто хоть как-то был задействован в представлении.

– Ребята, времени осталось совсем мало, нам надо определяться с новогодней программой: выступления, дискотека. Где Муслимов? Мы с ним подготовили наше видение актеров для новогодней сценки, список у него, – сказала Светлана Викторовна.

Практически одновременно с ее словами Максим вошел в актовый зал и, достав из сумки список, стал зачитывать его:

"Дед Мороз – Кирилл Архипов

Снегурочка – Саши Алферова

Снежинки – Лиля Петрова и Аня Никитина

Баба Яга – Ада Калинина

Пес – Никита Яцук "

– Почему это я Баба Яга? – перебила его Ада.

Максим оторвал взгляд от списка и с улыбкой посмотрел на нее:

– Это одна из ключевых ролей, что тебя не устраивает?

– Нет, почему Алферова – Снегурочка, Никитина – Снежинка, а я – Баба Яга? – прожигая парня взглядом, спросила Калинина.

Максим разбередил ее старую рану. С самого детства во всех дворовых играх Аде доставалась роль злой колдуньи, ведьмы, мачехи или, в лучшем случае, принца, спасающего свою суженую.

Она не раз признавалась мне, что сама хотела быть принцессой, которую надо спасать, или русалочкой, которую выбросило на сушу. Но из-за ее бойкого характера в роли принцессы ее никто не видел. Не помогло даже то, что она гоняла девчонок по двору, хлыстая их оборванными с деревьев ветками и заставляя их отдать ей роль Золушки. В итоге подруге пришлось смириться с навязанными ей внешним миром образами.

– Ада, пойми меня правильно, но с твоей внешностью ты не можешь сыграть ни Снежинку, ни Снегурочку, – с легкой улыбкой ответил Максим.

– А что не так с моей внешностью? – вспыхнула Ада.

– Калинина, я полагаю, что Муслимов хочет сказать, что остальные роли больше подходят для светлых и белокурых девушек. Но если ты не хочешь быть Ягой, мы найдем другую актрису. Хотя, лично по мне, играть неоднозначных персонажей сложнее и всегда интереснее, – вмешалась Светлана Викторовна.

– Ладно, пока оставьте меня, я в течение дня приму решение, – ворчливо согласилась Ада.

После обсуждения новогоднего спектакля Светлана Викторовна перевела тему на выступления.

– Кто здесь из 11 “А”? – спросила она.

Несколько человек подняли руки.

– Мне нужно, чтобы Влад Ревков непременно выступил. Передаю этот вопрос под вашу ответственность, – заявила завуч.

– Он не может, мы уже спрашивали, – отозвалась рыжая девочка.

– Он никогда не может! Я, конечно, понимаю, что он у нас звезда, но пока он учится в этой школе, пускай выступает хотя бы на ключевых мероприятиях, – безапелляционно ответила завуч.

Одноклассники Ревкова тяжело вздохнули.

– Ну, нам что, к нему силу применять? – спросила рыжеволосая.

– Напомни, как твоя фамилия?

– Пирогова.

– Пирогова, применяй силу, угрожай, воздействуй через классного руководителя. Делай, что хочешь, но обеспечь мне выступление Ревкова на Новый год, – отрезала Светлана Викторовна, своим тоном показывая, что разговор закончен.

Придя домой после школы, я удивленно обнаружила, что папа уже дома. В коридоре стояли его ботинки, а в зале работал телевизор.

– Ты сегодня пораньше? – спросила я, заходя в зал.

Отец вздрогнул и, выключив телефон, положил его экраном вниз. В последнее время он часто так делал.

– Да, были выездные дела, а обратно в офис решил не ехать.

– Ясно.

– Как в школе? – он поднял на меня взгляд.

– Нормально, – пожала я плечами.

Ничего не ответив, он перевел глаза на телевизор. Очевидно, на этом наш диалог был закончен. Я пошла в свою комнату делать уроки. Часов в шесть, когда я стала собираться на тренировку, пришла мама и встала у плиты.

С Адой мы как обычно встретились на остановке, чтобы вместе ехать в “Экстру”. Когда мы заняли парные сидения в автобусе, подруга сказала:

– Завтра Ящук устраивает посиделки у него дома, ничего грандиозного, только свои. Пойдешь?

Ада была знакома с Никитой с детства, потому что он раньше жил в ее доме. Их мамы были приятельницами, и иногда они семьями ходили друг другу в гости. Все это время Никита и Ада неплохо общались. Не сказать, что между ними была крепкая дружба, но они всегда весело болтали в школе, приглашали друг друга на дни рождения и прочие мероприятия.

Никиту все обожали. Его ценили за легкий характер, хороший юмор, а самое главное – за выдающиеся спортивные навыки, ведь отчасти благодаря ему наша школьная футбольная команда столько раз становилась чемпионом города.

– Пешкова там не будет? – с опаской поинтересовалась я.

– Вроде нет, они же особо не общаются.

– Вечеринка без Пешкова – это как раз то, что мне сейчас нужно, – согласилась я.

В субботу я, Ада и Антон отправились в гости к Никите. Мы купили две бутылки колы и три пачки чипсов. Ящук встречал нас на пороге с широкой улыбкой:

– Девчонки, классно выглядите! Тоха, давай сюда пакет. Проходите, будьте как дома.

Людей оказалось и вправду немного. Среди присутствующих я узнала Егора Анохина, одноклассника Никиты и его лучшего друга. Он был симпатичным, темноволосым парнем, а также капитаном школьной футбольной команды.

В зале на диване расположилась Алина Юкина, и я с улыбкой помахала ей. Рядом с ней сидели две незнакомые мне девчонки, которые оказались сестрами: Наташа и Тоня. Они были очень похожи друг на друга: обе с темно-русскими волосами, бледной кожей и застенчивыми взглядами.

Сначала мы просто болтали, обсуждали смешные ролики на Youtube и учителей. Каждому из нас Никита предложил по бутылке пива. Я отказалась и налила себе в большой стакан сока.

Когда ребят немного развезло, Ящук предложил поиграть в Бутылочку. Парни сразу поддержали его идею, а девчонки начали ломаться. Но продлилось это недолго, и через пару минут мы позволили ребятам себя уговорить.

Игра в Бутылочку всегда щекотала нервы. А если она проходила в хорошей компании, то могла быть очень даже приятной. Мы заранее оговорили, что если бутылочка укажет на представителя того же пола, то будет достаточно просто чмока для девочек и рукопожатия для мальчиков.

Плотно прижавшись друг к другу, мы расселись в круг и начали играть. Егор Анохин крутанул бутылочку, и она указала на Тоню. Девушка смущенно заерзала. Егор быстрым движением приблизил свое лицо к ней и поцеловал. Было видно, что она не ответила на поцелуй, держа губы сжатыми.

– Антонина, вы что, рыбка? – хохотнула Ада. – Кто так целуется?

Тоня опустила глаза и махнула рукой на Калинин. Подруга любила задавать беспардонные вопросы и вгонять людей в краску.

Следующим бутылочку крутил Булаткин, и ему выпало целовать Алину Юкину. Щеки девушки мгновенно вспыхнули, и она застенчиво убрала волосы за ухо.

– Алин? Я тебя поцелую? – деликатно поинтересовался Антон.

– А чего ты спрашиваешь? – встряла Ада. – Она же согласилась играть, значит, согласна на поцелуй.

Булаткин осторожно приблизился к Алине и прижал свои губы к ее приоткрытому рту. Их поцелуй оказался тоже довольно скромным.

– У нас тут, по ходу, пуританская вечеринка, – посмеялась Ада и крутанула бутылочку.

Горлышко указало на меня, и я получила звонкий чмок в щеку.

После Ады бутылку крутил Никита, и ему выпало целовать Наташу, которая жутко смущилась и начала отнекиваться.

– Девчонки, вы меня поражаете! Сами садитесь играть в бутылочку, а потом чего-то стесняетесь! – улыбнулся Анохин.

– Согласна! – поддержала Ада. – Нечего корчить из себя недотрогу!

Наташа сдалась и позволила Никите себя поцеловать. Он действовал настойчиво, и ей пришлось уступить. Так что в итоге их поцелуй получился самым страстным на сегодня.

Когда настала моя очередь вращать бутылочку, мне выпал Булаткин. Антона я целовала и раньше, ведь во втором классе мы с ним лобызались на переменах. Но это было так давно, что казалось неправдой.

Я подползла к Булаткину и посмотрела ему в глаза. Почему-то меня начал раздражать истерический смех, и я никак не могла взять себя в руки. Я пыталась приблизиться к нему

губами несколько раз, но все время вместо поцелуя начинала хохотать, и Антон ржал вслед за мной.

Раза с пятого нам все же удалось совершить задуманное. К моему удивлению, целовать лучшего друга оказалось не так уж и страшно. Его губы были теплыми, а язык вел себя очень смиренно, редко покидая пределы рта.

Оторвавшись от Антона, за его спиной я заметила только что вошедшего в квартиру Максима Муслимова. Разувшись и повесив куртку на вешалку, он прошел из коридора в комнату, поздоровался и сел в круг, заставив нас потесниться.

С появлением Максима поведение Ады сделалось напряженным и сдержанным. Она больше никого не подстрекала и ни над кем не подшучивала.

Наташа крутанула бутылку и она вновь показала на Антона.

– Да я сегодня популярен! – рассмеялся Бултакин.

Учитывая, что Наташа с Антоном видели друг друга в первый раз, целоваться им было очень неловко. Со стороны выглядело комично, как они долго пытались подладиться друг под друга, затем во время поцелуя оба забыли закрыть глаза, а встретившись взглядами, с силой зажмурились.

Настала очередь Тони. Когда ей выпала ее сестра, она облегченно выдохнула и чмокнула Наташу в нос.

Последним в этом кругу бутылочку вращал Максим. Он с силой крутанул предмет, и горлышко указало на Аду.

– Я выхожу из игры, – заявила она.

– Ты не можешь выйти посреди круга, – заметил Егор.

– Но он опоздал, – Ада указала на Максима.

– Когда Макс пришел, круг не был закончен, поэтому правила не нарушены, – настаивал Анохин.

– А в чем проблема, Ада? Ты же сокрушалась по поводу нашего умения целоваться. Может, покажешь мастер-класс? – едко вставила Тоня.

Подруга поморщилась. В очередной раз ее длинный язык сослужил ей плохую службу. Но отказаться от своих слов он не могла.

Максим молча наблюдал за ее реакцией, а когда она, наконец, кивнула, неторопливо оперся на руки и потянулся к ней. Ада сидела неподвижно, и их лица оказались совсем рядом. На долю секунды они замерли. Максим смотрел ей прямо в глаза, а она не отводила взгляд. Затем он подался вперед, и их губы встретились.

Ракурс, с которого я наблюдала поцелуй, был отменный. Я отчетливо видела, как подруга пошире открыла рот, чтобы впустить язык Макса. Парень целовал Аду упоенно и темпераментно. Если бы я не знала, какие между ними отношения, то наверняка решила бы, что они любовники. От их поцелуя мне стало не по себе, настолько интимным он выглядел.

– Эй, ребят, снимите номер! – сконфуженно проговорил Булаткин.

Очевидно, эта сцена показалась слишком эротичной не только мне.

Максим отстранился от Ады и сел на свое место. Подруга немного растерянно поднесла кончики пальцев к губам, словно пытаясь задержать на них поцелуй. Это был трогательный и совершенно неосознанный жест.

Затем она натянула дежурную улыбку и вышла из игры. Ребята начали шуметь и отпускать шуточки по поводу их поцелуя, всем стало весело. Максим был как всегда сдержан и никак не комментировал произошедшее. Я тоже вышла из круга и пошла вслед за Адой. Я постучала в ванную, и она впустила меня внутрь.

– Что это было? – удивленно спросила я.

– Он делает вид, что я ему нравлюсь, – задумчиво ответила подруга.

– Мне кажется, что и правда нравишься.

Ада молчала. Ее взгляд бесцельно блуждал по комнате.

– Придумала, – она щелкнула пальцами. – Я влюблю его в себя, а потом брошу.

Я пораженно присела на край ванны. Я-то думала, что этот поцелуй положил конец их вражде, но не тут-то было.

– Ад, это неправильно, – я попыталась вразумить подругу.

– Ты знаешь, для чего он это делает? Он пытается манипулировать мной. Думает, я настолько глупа, что от одного классного поцелуя растаю, как ледышка на жаре. Но он не на ту напал.

– Хорошо, хоть ты признала, что поцелуй был классный.

– Я подыграю ему. Сделаю вид, что веду на его уловки.

– А, может, это не уловки вовсе? Может, у него к тебе реально чувства.

Ада отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. Я хотела продолжить ее убеждать, но передумала. Я слишком хорошо знала свою лучшую подругу. Если она что-то вбила себе в голову, то ничем этого из нее не выбьешь.

Через пару минут мы вышли к ребятам. В Бутылочку они уже не играли. Ящук включил музыку и стал смешно под нее двигаться. Булаткин присоединился к нему, и вдвоем у них получилось целое шоу. Я смеялась в голос, наблюдая за их дикими танцами.

Максим сидел в кресле и негромко переговаривался с Наташей. Судя по тому, какой расслабленной она была рядом с ним и как широко улыбалась, они были знакомы и раньше. Через пару минут, когда девушка отошла на кухню, я под села к Муслимову.

– Как продвигается твой социальный проект? – поинтересовалась я.

– Отлично. Перед Новым годом будет голосование. Хотя, уверен, ты не поддержишь его, – усмехнулся он.

– Почему это?

Максим перевел взгляд на Аду, которая в одиночестве сидела в кресле и, не торопясь, потягивала пиво.

– Она, конечно, моя лучшая подруга, но это не значит, что у нас одна голова на двоих, – возмутилась я.

– Правда? – Максим удивленно вскинул брови. – А я думал, что девчонки всегда заодно.

– Не всегда. Я вообще не понимаю, чего вы грызетесь как кошка с собакой.

– Я с ней не грызусь, – спокойно заметил он.

– Да, я знаю, – вздохнула я. – Про тот случай в столовой... Не воспринимай на свой счет,

Ада просто очень эмоциональная.

Максим ничего не ответил и перевел тему.

Остаток вечера прошел мирно и без происшествий. Мы играли в Уно, фотографировались и немного попели в караоке. В десятом часу мне позвонила мама и напомнила, что уже поздно. Вскоре мы попрощались с ребятами, и Антон проводил нас с Адой по домам.

Глава 7

Логика и чувства – несовместимые вещи. Можно спланировать идеальную жизнь, но счастья в ней не спланируешь. Оно очень хитрое. Его не сымитируешь. Судьбу не обманешь. Сердцу не прикажешь.

Мама часто говорила мне, что невозможно заставить себя чувствовать то, чего нет, но можно заставить себя поступить правильно, несмотря на чувства. Когда я была маленькой, мне казалось, что это просто. Но, повзрослев, я поняла, что это ни черта не так. Это настоящее насилие. Насилие над самим собой. Поэтому я совсем не была уверена, что подавлять свои чувства – действительно лучший выход.

Прошло почти полмесяца с момента нашей ссоры с Пешковым, и я скучала по нему. Несколько раз я была близка к тому, чтобы самой ему написать, но каждый раз останавливалась, понимая, что это неправильно.

До каникул оставалось лишь несколько недель, и я усиленно занималась, чтобы хорошо написать контрольные в конце четверти.

Особенно я волновалась из-за геометрии: она всегда давалась мне с трудом. Я неважно рисовала, и у меня плохо было развито пространственное мышление. Мне повезло, что я сидела за одной партой с Булаткиным, который, по сравнению со мной, был просто богом геометрии и часто помогал мне на самостоятельных.

Однако в этот раз Булаткин приболел и в день контрольной не пришел в школу. Подписав листок, я сдала работу математичке со стойким ощущением, что контрольную завалила.

Через два дня, в четверг, я узнала свой результат: тройбан. Эта оценка сильно снижала мои шансы получить четверку по геометрии за четверть, поэтому после урока я подошла к математичке и умоляющим голосом произнесла:

– Ирина Константиновна, у меня тройка за контрольную. Дайте, пожалуйста, шанс исправить.

– Ой, не знаю, Алферова, вряд ли. Сейчас конец четверти, очень много бумажных дел.

– Ирина Константиновна, я могу в любое время, хоть вечером, хоть утром, когда скажете.

Математичка внимательно посмотрела на меня поверх очков. Она была строгой, но понимающей женщиной.

– Ладно, Алферова, приходи завтра, часов в шесть.

Поблагодарив учительницу, я направилась к Булаткину, чтобы он поднатаскал меня перед переписыванием контрольной.

В пятницу в назначенное время я постучала в кабинет Ирины Константиновны. Она жестом пригласила меня войти. К моему удивлению, за одной из парт сидел Пешков. Встретившись взглядами, мы быстро отвернулись друг от друга, и я заняла место в соседнем ряду.

Кроме нас контрольные переписывали еще несколько ребят. Ирина Константиновна раздала нам задания, и мы принялись за работу. Присутствие Пешкова отвлекало меня от геометрии. Пару раз я замечала, что он смотрит на меня. Сделав над собой усилие, я попыталась сосредоточиться.

Благодаря Булаткину все задания казались мне понятными, и я решила, что неплохо справилась. Когда Ирина Константиновна объявила, что время вышло, я поднялась из-за парты практически одновременно с Димой. Столкнувшись у ее стола, мы сдали свои работы и, собрав вещи, вышли из кабинета.

В школе было пусто. Я шла по коридору, а Пешков отставал на пару шагов. Было неловко идти рядом и не разговаривать. Когда мы стали спускаться по лестнице, Дима неожиданно сказал:

– Саш, давай поговорим?

– О чем?

– Мы не общались две недели. Думаю, темы найдутся.

Спустившись на первый этаж, я взяла из раздевалки пальто. Дима прихватил куртку и скейт. Одевшись, мы вышли на улицу.

– Давай прогуляемся, – он потянул меня в противоположную сторону от моей привычной дороги домой. Я не стала сопротивляться.

Погода выдалась аномально теплая и безветренная для ноября. Я была без шапки и совсем не мерзла. Однако темнело рано. Несмотря на то, что шел только восьмой час, казалось, что сейчас уже глубокая ночь.

– Я хотел позвонить или написать, но времени совсем не было, – признался Пешков.

Никогда не верила фразе "у меня не было времени". В сутках одна тысяча четыреста сорок минут. Как может человек не найти одну минуту, чтобы просто написать: "Привет, как дела?"

Дима говорил, что сначала посчитал мою реакцию относительно вписки у Шарова неадекватной, но, поразмыслив, признал, что у меня были причины для недовольства. Он сказал, что Яна для него хорошая подруга и много раз выручала его, поэтому он не может вычеркнуть ее из своей жизни.

– Я не требую, чтобы ты вычеркивал ее из жизни, – ответила я. – Просто хочу понимать, кто я для тебя. Хочу понимать, что между нами.

– Ты хочешь отношений? – неожиданно прямо спросил он.

– А чего ты хочешь?

Дима помолчал, а потом негромко сказал:

– Я думаю, что отношения лишь отвлекают нас от неизбежности одиночества.

– Тогда я вообще тебя не понимаю, – вздохнула я.

– Саш, ты мне нравишься. Но давай позволим тому хорошему, что есть между нами, развиваться без излишнего давления.

Я не знала, что ответить. За всем этим словоблудием я с трудом угадывала истинный смысл слов. Что он имел в виду? Может, стоило интерпретировать его высказывание как "ты мне нравишься, но не настолько, чтобы я захотел с тобой встречаться"?

Мы долго шли молча, размышляя каждый о своем. Темные улицы сменяли одна другую, а голые деревья во дворах, казалось, отражали состояние моей души. Я чувствовала необъяснимую грусть в сердце. Прежней злобы к Пешкову не было, только звенящая пустота.

Дима взял меня за руку, и впервые я не почувствовала привычного трепета от его прикосновений.

– Я рад, что ты выслушала меня, Саш, – мягко проговорил он.

Я посмотрела на парня, и его голубые глаза показались мне как никогда холодными.

Мы продолжали идти в неизвестном направлении. Дима делал вид, что между нами все по-прежнему: беззаботно рассказывал о школе и друзьях, шутил и широко улыбался. Я вполсилы подыгрывала ему, но от ощущения, что наши отношения изменились, отделаться не могла.

– Эй, пацан, слышь! – неожиданно за спиной раздался низкий прокуранный голос, затем свист и звук приближающихся шагов.

Я огляделась по сторонам. Где мы? Что это за район? Узкий неопрятный переулок. Справа от меня стоял переполненный мусорный бак, источающий сладковатый запах гнили. Слева гаражи. Вдали одиноко мигал фонарь. Мы машинально ускорили ход.

– Стоять, кому сказал! – рывкнули сзади.

Шаги становились все ближе. Мне не нравился этот голос. В нем слышалась угроза. Интересно, мы успеем удрать? Я глянула на Диму и, не сказав ни слова, мы сорвались на бег.

– Хватай их, Хлыст!

Я почувствовала, как по телу ядовитой змейкой прополз страх. Он отличался от страха, который я испытывала раньше. Прежде все было будто понарошку, ведь в глубине души я всегда понимала, что по-настоящему мне ничего не угрожает.

Сейчас же мое существо наполнял первобытный животный страх, который превращал меня в зверька, услышавшего приближение шакала. Я жертва, а сзади хищники. Бежать, бежать скорее! Все мое нутро обратилось в слух. Где они? Далеко ли? Есть ли шанс оторваться?

Но мы не успели. В одно мгновение один оказался впереди нас, двое сзади. Я подняла глаза на фигуру перед нами. Худой, сутулый, в поношенном немодном спортивном костюме. На вид чуть старше меня.

– Серый, че это за ребятосики тут у нас? Здрасьте, здрастьте, – проговорил он с кривой улыбкой, противно растягивая слово "здрасьте".

– Они из той хреношкеры, Хлыст, – донесся голос из-за моей спины. – Глянь на ее сумку.

Я опустила глаза и увидела крупный светоотражающий значок с изображением нашей школы, который красовался на боковом кармане сумки. Его мне дали за победу в каком-то спортивном состязании еще в девятом классе, и с тех пор я все время таскала его с собой.

Гопник по кличке Хлыст прищурился.

– А, значит, вы у нас при капусте, да, ребятосики? – он смотрел на нас в упор.

Мне стало некомфортно, и я потупила взгляд. С чего он взял, что у нас есть деньги? Мы же не в частной школе учимся. Конечно, наше учебное заведение считалось довольно престижным, но лично я относилась к нему по адресу прописки, а не потому, что меня пристроили туда обеспеченные родители.

– Пацаны, мы уже уходим и не хотим проблем, – немного дрожащим голосом, но твердо сказал Дима и потянул меня в сторону, пытаясь обойти стоящего перед нами Хлыста.

Тот резко сделал шаг, вновь преграждая нам путь.

– А ты чо такой дерзкий, Вась? Давай познакомимся, побазарим. Шняга у тебя какая защибаемая, – сказал он, указывая на скейтборд в руках Димы.

Дима молчал, и я чувствовала нарастающее в нем напряжение.

– Поделись по-братски, Вась, – гопник выхватил у Димы скейт и встал на него.

– Можешь забрать себе, только отвалите от нас, – огрызнулся Пешков, вновь пытаясь уйти.

На этот раз путь нам преградил второй гопник, который все время был за нами и которого первый называл Серым. Он казался крупнее, выше и старше. Его взгляд был тяжелым и неприязненным. Вот черт! Этот человек походил на настоящего бандита!

– Что вам от нас нужно? – с дрожью в голосе спросила я.

– Завали пещеру! – грубо отозвался Серый. – Давайте сюда мобилу и бабки!

Я застыла. Неужели нас грабят? Вот так, посреди улицы. Я как будто попала в сериал про девяностые. Кошмар.

И тут я внезапно вспомнила, что мама все время предлагала мне носить с собой перцовый баллончик для самозащиты. Я отмахивалась от нее, а она... Боже! Она ведь просто засунула баллончик в мою школьную сумку! Скорее всего, он так и лежит там, в боковом кармане!

– Эй, овца, поторапливайся! – прикрикнул на меня Серый.

Дима нехотя стягивал с плеча рюкзак, чтобы отдать грабителям свои ценности.

Я бегло оглянулась. Их действительно было трое. Один позади, двое спереди. Если мне удастся действовать быстро, то я смогу ослепить их перцовым баллончиком, и у нас будет шанс сбежать.

Я потянулась к своей сумке, делая вид, что ищу кошелек и телефон. Моя рука скользнула в боковой карман и нащупала прохладный корпус баллончика. Я постаралась расположить пальцы так, чтобы можно было сразу нажать на клапан для атаки.

– Ты че там копаешься? – с угрозой проговорил Серый.

Я поняла, что мешкать больше нельзя. Рывком достала баллончик из кармана сумки и начала распылять его, направляя на грабителей. Но что-то пошло не так, мне не хватило времени.

Сзади на меня навалился, сбил с ног и выбил из рук баллончик третий гопник. Я успела зацепить только самого первого, худощавого Хлыста. Он скорчился и, схватившись руками за лицо, стал материться. На Серого, очевидно, тоже немного попало: он закашлялся, но глаза были открыты.

– Ах ты, сука! – с яростью прорычал он и с размаха ударил меня по лицу.

Я стояла на коленях, пытаюсь подняться, после того как меня сбил сзади стоящий гопник. Удар Серого обжег лицо, и я завалилась влево. Несмотря на то, что он бил ладонью, а не кулаком было очень больно, и у меня закружилась голова. Боковым зрением я видела, что Дима рванулся ко мне, но его скрутил третий гопник, которого Серый называл Хорьком.

– Пацаны, я ни хрена не вижу! – задыхаясь, орал Хлыст, которого я атаквала.

Не обращая на него внимания, Серый смачно сплюнул и вновь прокашлялся, пытаюсь прочистить горло. Затем он подошел ко мне и грубо схватил за подбородок, заставив смотреть на него.

– Какая же ты тупая сука! Ты могла отделаться малой кровью, но теперь пожалеешь! – рявкнул он и с силой толкнул мое лицо.

Я опрокинулась назад и, не успев подставить руки, ударила головой об асфальт. Затылок обожгло резкой болью. Я машинально протянула руку к голове и увидела на ней кровь.

Я закричала, призывая о помощи, но Серый моментально накрыл мой рот своей огромной ладонью.

– Отпусти ее, гад! – злобно выкрикнул Дима, пытаюсь вырваться из тисков Хорька, но тот держал очень крепко.

Серый медленно перевел взгляд на Пешкова и вдруг коварно улыбнулся:

– Нет, Вась, ее не отпущу, зато отпущу тебя. Ты вел себя послушно. Так что оставляй рюкзак и вали отсюда нахрен.

Дима застыл, не сразу осознав смысл его слов.

– Да пошел ты! Я ее не брошу! – в конце концов прошипел он.

Серый вновь ткнул меня головой в асфальт. Перед глазами забегали блики, и на какое-то время я потеряла ориентацию в пространстве.

Затем он подошел к Диме и достал из бокового кармана что-то металлическое. Я попыталась сфокусироваться на предмете в его руке. Через несколько мгновений я осознала, что это нож. Одной рукой Серый схватил Пешкова за горло, второй приставил оружие к его животу и хищно произнес:

– Ну? Что ты теперь скажешь?

– Я ее не брошу! – упрямо повторил он.

Резким движением Серый задрал Димину толстовку, оголив живот, и с нажимом провел ножом по коже. На теле Пешкова появился тонкий порез, и парень сморщился от боли.

– Если будешь таким дебилом и дальше, Вась, я засуну этот нож так глубоко в твои кишки, что смогу достать его через жопу! А этой дряни, – он кивнул на меня, – ты все равно никак не поможешь.

Дима молчал. Его взгляд метнулся ко мне. В нем читались боль, отчаяние и ужас.

Что я должна была сделать? Кивнуть ему в знак того, что отпускаю? Я не могла. Мне было дико страшно. Я боялась представить, что могут сделать со мной эти трое. Я просто опустила взгляд в землю, ожидая.

Расценив молчание Пешкова как согласие, Хорек ослабил хватку и с силой толкнул его вперед.

– И помни, у меня есть твой телефон и твои документы, – сказал Серый, указывая на Димин рюкзак у своих ног. – Я знаю, кто ты и где живешь, так что не зли меня.

Я прикрыла глаза, в которых застыли слезы, и с ужасом услышала звук удаляющихся шагов Пешкова. Он бросил меня. Бросил одну на растерзание этим ублюдкам. В эту секунду внутри меня что-то умерло.

Я огляделась. Хлыст по-прежнему матерился и кашлял, не в силах убрать руки от слезящихся глаз. Двое других с кровожадными лицами направились ко мне.

Серый, сложив нож и убрав его во внутренний карман куртки, рывком поднял меня на ноги и приблизил свое лицо к моему. В нос ударил запах дешевых сигарет и еще чего-то тошнотворного. Я заорала, что есть мочи.

Он вновь закрыл мне рот рукой и больно схватил за волосы. Я попыталась ударить его коленом в пах, но Серый разгадал мои намерения. Уклонился и резко развернул меня спиной к нему, уперев щекой в шершавую стену гаража.

Я зажмурилась. Слезы катились рекой, я жалобно скулила, тщетно пытаюсь освободиться. Я чувствовала противное дыхание Серого на щеке. Одной рукой он прижимал меня к стене, а второй начал шарить по моему телу. Мне стало настолько мерзко, что рвотные позывы подступили к горлу. В эту секунду у меня в голове пронеслась мысль: "Лучше бы умереть. Лучше бы они меня сейчас убили". Мне казалось, что смерть была бы настоящим избавлением от унижения и боли.

Внезапно я почувствовала какое-то движение сзади, а через секунду хватка Серого ослабла. Я резко обернулась и увидела, что Хорек валяется на земле, и кто-то отволоч Серого от меня. Неужели Дима вернулся за мной? Серый извернулся и с силой ударил моего спасителя по лицу. В этот момент я поняла, что это не Дима.

Это был Ревков Влад, тот самый парень из школы, который просил у меня разменять деньги в столовой. Но что он тут делал?

После удара Серого Влад отлетел и упал прямо на Димин скейт, брошенный Хлыстом.

Я заметила, что Хорек встал с земли и направился к Ревкову, чтобы схватить его и облегчить жизнь Серому. Не теряя времени, я дернулась в сторону брошенного баллончика. На этот раз я сделала все верно. Направила свое оружие четко на обидчика, и Хорек, закрыв лицо руками, попятился назад.

Тем временем Влад схватил скейтборд и с силой зарядил им Серому по голове. От удара доска сломалась пополам. Серый немного пошатнулся, но устоял, а затем попытался достать свой нож из внутреннего кармана куртки. Ревков, разгадав его намерение, накинулся на соперника, осыпая ударами по лицу. Некоторые из них Серый блокировал и бил в ответ.

Гопник казался крупнее и, очевидно, больше весил, но преимущество Влада была подвижность и быстрая реакция. Серый попытался нанести удар с ноги, но Ревков схватил его за лодыжку и силой дернул на себя. Перед тем, как упасть, гопник зацепился за шею Влада, и они повалились на асфальт. Яростная схватка продолжалась.

Я хотела воспользоваться баллончиком против Серого, но они с Ревковым были так близко, что я боялась ненароком попасть в своего спасителя. Я оглядывалась по сторонам, думая о том, как помочь Владу одолеть этого уroda. Но поблизости не было никаких труб или палок, которыми можно было бы атаковать Серого. Я понимала, что надо действовать быстро, ведь в любой момент у гопника могла появиться возможность достать свой нож.

Через секунду в паре метров от гаража я увидела крупный камень, и у меня возникла идея зарядить этим булыжником Серому по голове. Я тронулась с места, наклонилась к камню и вдруг услышала голос Влада:

– Бежим отсюда!

Я обернулась и увидела, что, тяжело дыша, Ревков стоял над Серым, который лежал на земле и вроде бы лишился чувств.

Я рванула к Владу, на ходу подхватив свою сумку с земли. Ревков сжал мою руку, и мы понеслись прочь. Он бежал быстрее, чем я, и с силой тянул меня вперед.

Глава 8

Выбравшись из переулка, мы повернули направо, затем еще раз направо и через какое-то время оказались на хорошо освещенной улице. По дороге проезжали машины, а в метрах пятидесяти виднелось здание круглосуточно работающего Мака. Внутри и рядом находились люди, поэтому мы с Владом, наконец, остановились.

Мы оба тяжело дышали, еле переводя дыхание от длительного бега. Я уперла руки в колени, пытаюсь прийти в себя, но это давалось мне с трудом. Наконец, более или менее справившись с дыханием, я оглядела Ревкова. Вид у него был неважный: белая толстовка порвана у горла и вся в грязи, губы разбиты, правый глаз немного заплыл. Наверно, будет синяк.

– С-спасибо! – с трудом выговорила я.

Он через силу улыбнулся и сплюнул на асфальт кровавый сгусток.

– Ты как, Златовласка? Не ранена? – бегая по мне глазами, спросил он.

Я коснулась рукой затылка. Именно там я впервые нащупала у себя кровь. Я попыталась найти рану, чтобы определить, насколько она серьезна. Убедившись, что череп у меня цел, я кивнула:

– Вроде нормально.

– Дай посмотрию голову, – сказал он, заметив мои движения.

Влад обошел меня и легким движением расправил волосы, пытаюсь разглядеть макушку. Несмотря на то, что голова у меня трещала, мне были приятны его прикосновения.

– Ну что там? – полюбопытствовала я.

– Есть небольшая рана, но думаю, некритично, надо будет обработать, – задумчиво ответил он.

Я облегченно вздохнула.

– А в остальном как? – не унимался он.

Я окинула себя взглядом: разодранные колготки, расшибленные в кровь коленки, ободранные ладони. Ничего особенно страшного.

– В детстве было и похуже, – улыбнулась я. – А ты? Как себя чувствуешь?

– Порядок, – отмахнулся он. – Давай я провожу тебя до дома? Ты далеко живешь? Или, может, в больницу?

– Нет-нет, я в норме, живу на Ленина.

– Я вызову такси, – он достал из кармана телефон.

На экране я заметила большую трещину.

– Это из-за драки? – сочувственно спросила я.

– Что? А, да, но вроде только защитное стекло пострадало, – проговорил Ревков, внимательно разглядывая мобильник.

Затем он вызвал такси. Пока мы ждали машину, я с благодарностью сказала:

– Влад, еще раз спасибо тебе! Боюсь подумать, что было бы, если б не ты.

– На моем месте так поступил бы любой. Кстати, откуда ты знаешь мое имя? – он удивленно поднял брови.

– Ну... Мы просто учимся в одной школе.

– Да-да, я помню твое лицо, – он внимательно посмотрел на меня. – Ты девчонка с хорошим аппетитом. Как тебя зовут?

– Саша, – улыбнулась я и после секундного молчания добавила. – А откуда ты вообще взялся? Как ты узнал, что мы в беде?

– У нас своя группа, и мы с парнями репетировали неподалеку, в гараже нашего барабанщика. Я шел домой и вдруг услышал девчачий визг. Мне показалось, это не шутка. Я всполошился и решил пойти в сторону, откуда был голос. Так я и наткнулся на тебя и этих уродов.

– Как мне повезло, что ты услышал мой крик, – тихо сказала я.

– Ты сказала "мы", "мы в беде", – вдруг медленно проговорил Влад. – Ты была не одна?

Я покраснела и опустила глаза. Что мне делать? Сказать, что парень, с которым я так хотела встречаться, как последний трус сбежал, оставив меня одну? Я понимала, что стыдно должно быть ему, а не мне, но тем не менее не могла вслух признаться в произошедшем.

К нам подъехало такси. Я залезла в салон, а через секунду Влад уселся рядом со мной на заднем сидении.

– Ты тоже поедешь? – спросила я.

– Да, я провожу тебя до двери. Хочу убедиться, что ты в целости доберешься до дома.

Несмотря на то, что сейчас мне вряд ли что-то угрожало, было приятно ощущать заботу этого малознакомого парня, особенно после того, как Пешков так малодушно слинял.

В такси мы ехали молча. В конце поездки Ревков расплатился и вместе со мной вышел из машины. Мы приблизились к моему подъезду.

– Златовласка, – мягко сказал Влад, – ты так и не ответила. Ты была не одна там?

– Как видишь, под конец я была там одна, – я уперла взгляд в пол, демонстрируя свое нежелание обсуждать это.

Неожиданно парень зацепил пальцем мой подбородок и приподнял его. От прикосновения Влада по телу побежали мурашки. Передо мной были бездонные карие глаза. Ревков с трепетом заглянул в мое лицо и ласково проговорил:

– Я не буду тебя больше ни о чем спрашивать. Захочешь – сама расскажешь. Самое главное, скажи, с тобой действительно все в порядке? Они не успели, – он замялся, – обидеть тебя?

Я поняла, о чем он говорит, и мне стало неловко.

– Нет-нет, ничего такого, – я отрицательно покачала головой.

Он вздохнул и убрал руку от моего лица.

– Спокойной ночи, Златовласка. Я рад, что оказался рядом.

– А я-то как рада! – искренне сказала я. – Спасибо за все! Доброй ночи!

Я зашла в подъезд, бегом поднялась на второй этаж и через окошко стала наблюдать за Владом. Секунд десять он просто стоял на месте, затем вынул телефон и через пару минут уехал на такси.

Я зашла в квартиру. К моему удивлению, свет нигде не горел. Я озадаченно прошлась по дому. В зале никого не было. Завернув в родительскую комнату, я увидела, что мама лежала на кровати и, судя по всему, спала. Отца дома не было.

Стараясь не шуметь, я на цыпочках пробралась в свою комнату и прикрыла дверь. Включив свет, я увидела в зеркале грустное зрелище: волосы свалились, на щеках следы от туши, губа припухла. Я скинула грязную одежду и направилась в душ.

В голове крутилось слишком много мыслей и сконцентрироваться на какой-то одной никак не получалось. Как Пешков мог так со мной поступить? Стоит ли мне рассказать родителям о случившемся? Надо ли мне обращаться в полицию? Будем ли мы дальше общаться с Владом? Так и не найдя ответ ни на один из этих вопросов, я вышла из душа, рухнула на кровать и моментально провалилась в сон.

На следующее утро я еле разлепила глаза. Надо же, оказывается, я проспала двенадцать часов! Как хорошо, что сегодня суббота, и никуда не надо идти. После вчерашнего у меня

побаливала голова и тело слегка ныло, но в целом я чувствовала себя сносно. Взяв телефон, я обнаружила тридцать восемь пропущенных с неизвестного номера. Вероятно, это был Пешков. В другое время меня бы это обрадовало, но сейчас я лишь брезгливо поморщилась.

Не вставая с кровати, я позвонила Аде. Поведав ей обо всем, что со мной произошло накануне, я замолчала. Подруга тоже не издавала ни звука. Наконец спустя тридцать секунд тишины она сдавленно выдала:

– Охренеть!

Емко и по делу. Вполне в стиле Ады.

– Ну, Пешков и говнюк! – яростно зашипела она.

– Кажется, это как раз то, что мне было нужно, чтобы распрощаться с чувствами к нему, – философски заметила я.

– Да, в этом он здорово помог тебе. Ты собираешься рассказать предкам?

– Я не знаю. Думаешь, стоит?

– Конечно. Этих ублюдков надо найти и наказать. Ты успела забрать свою сумку?

– Да, мои вещи при мне.

– А Пешкова?

– Кажется, остались там. При мне он их точно не забирал.

Ада фыркнула. Она опять разразилась оскорблениями в адрес Димы. Надо признаться, мне было приятно слушать ее, потому что она в точности описывала мои чувства, только в довольно жесткой форме.

– Напиши заявление в ментовку, расскажи, как все было, а потом пусть Пешков объясняет всем, почему он оставил девушку на растерзание бандитам.

– Да, только быть той девушкой, которую бросили, тоже не очень-то приятно, – скривилась я.

Ада помолчала, затем продолжила.

– Ревков – классный мужик, я всегда это знала.

– Что ты вообще о нем знаешь? Расскажи.

– Ну, он солист в группе "Абракадабра". Учится в 11 "А" вроде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.